

ДЕРЕВО С ДРАКОНЬИМИ ЦВЕТАМИ

Морозный месяц

Срединная Столица — город правильный. Кварталы ровны, улицы прямы, ворота по четырём сторонам света. У Южных ворот справа храм и слева храм: Восточный и Западный. Отсюда до дворца Государя ведёт не дорога — целая площадь шириной в шестьдесят шагов, а длиною во весь город. Вдоль неё, поперек улиц — дороги. Всё как на клетки расчерчено. Справа речка и слева речка, текут между кварталами почти как по нитке: строго с севера на юг. А сливаются уже за городом.

Вечер, зима, несильный юго-западный ветер звенит в колокольцах на храмовых башнях. Снег лежит во дворах, а по площади и по улицам вьётся поземкой вместе с сухой пылью и соломенной трухой. Ущербный месяц за растрепанным облаком, внизу уже темно, только два квартала светятся: в восточной части на Седьмой улице и с запада на Шестой. Горят потихоньку внутри своих глиняных оград. Два пожара за зимнюю ночь — это, по столичным меркам, немного. Лишь бы ветер не усилился. Или не сделалось землетрясение, как минувшей осенью. Как полетят в домах фонари с крючьев — и вправду беда!

Пожаров сейчас мало, но пожарных еще меньше. На западе они уже работают: бегают с баграми и кадками. До восточного зарева пока не добрались, там жильцы сами управляют.

Горожане по морозной погоде жаровни жгут, уголья роняют — сами пускай и тушат теперь!

В квартале на Седьмой улице четыре усадьбы. Одна полыхает, две занялись, четвёртая пока цела. Над домами летают горящие клочья — и бумага, и кора с крыш, и полотно. Это в самом большом дворе стояли палатки — что вообще-то запрещено. Огонь трещит, скотина мычит, кто-то плачет, кто-то распоряжается.

Долговязый дядька стоит в раскачку на бревне, кидает тюки через стену на улицу. Женщина в ночном платье сидит над другою, лежащей, трясёт её за плечи — нет, перестала: поздно. Вол ревёт и ломится через бумажное окно прямо в дом. Два десятка вооружённых дюжих парней — откуда столько разом? — валят другое здание. Налегли по десятеро на два угловых столба: ещё немного, и своротят.

Воротца квартала нараспашку. Через них вываливаются на улицу трое: двое на своих ногах, а один, похоже, угорел, его тащат под локти. Никому до них нет дела. Сворачивают с поперечной улицы на продольную дорогу, в темноту.

Всё плохо

Барышня Намма, девица на выданье

Всё плохо.

Во-первых, батюшка получил повышение. Он теперь средний советник. Значит, мы больше никуда из Столицы не ездим. Это ведь целое наместничество, пожалуй, должно провороваться, чтобы Полотняный приказ отрядил на разбирательство среднего советника! А сидеть на месте подолгу господин Намма не привык.

И знает он, что нынешний чин — для него высший. Ведущего советника ему не дадут: знатностью не вышел. Разве что перед самой отставкой пожалуют, для почёта.

Батюшка, конечно, за чинами не гонится. Только всё равно как-то неуютно ему. Будто бы вырос под самый потолок. И якобы совсем уже старый...

А раз так, то завел себе стариковскую причуду. Ухаживать за дочками из знатных домов ему, видите ли, уже не по летам. Может себе позволить жену по сердцу, а не из светского расчета. И перевез к нам в дом эту особу.

Она женщина одинокая. Сирота, старший в семействе — её брат, а он учёный, отбыл с посольством

на материк и невесть когда вернется. Господин Намма к ней и раньше хаживал, несколько лет, а теперь забрал к себе.

Не в том дело, что она — не ровня Наммам или не красавица. Это всё при ней, а что годами не юна — так и батюшка ещё не в той дряхлости, когда на молоденьких тянет. Но беда другая: дура она. Вот просто — дура.

Кроткий нрав: хозяйством нашим заправлять не пытается. За то вся челядь её и хвалит. Порою даже Рю, моя собственная воспитанница! А уж жена Урасаки — просто новой барыней не налюбуется. Особенно как сравнит с моею матушкой...

Тонкий вкус: лежит целыми днями в своих покоях, читает повести. И изящным рукодельем занимается, не отрываясь от книжки: из чистой крашеной бумаги складывает цветы. Сотнями! Сниживает их на ниточку, получают шары, чтобы благовония хранить. У нее к благовониям слабость, и не зря: в братней усадьбе челядь держит квасильню, бобовую подливу стряпают. Зайдут с отчётом — два дня потом пахнет кислым.

Чувствительное сердце: над повестями она проливает слёзы. Вот спрашивается: если там всё так печально написано — зачем себя изводить читаючи? — Нет! Каждый раз, как к ней её челядь придёт, заказывает новых книжек. Да побольше, да чтобы жалостные.

И о чём с нею говорить, не понятно. Она во всём грустное находит. Пыталась я ей что-нибудь из жизни рассказать, из батюшкиных сыскных дел — рыдает! Ещё никого не убили, а она уж рыдает. Ну, разве не дура?

А господин Намма с ней находит о чём потолковать. Если бы он с нею тешился только — нет, беседуют по ночам чуть не до утра. Со мною он давно уже столько не разговаривал.

Обидно. Получается, ему как раз такие женщины милы. Кроткие, плаксивые и тупые. Но если даже он таких любит — то что же мне-то удивляться, что жениха

у меня всё нет?

Это во-вторых. Мне, понимаете ли, пришло замуж. Все этим озадачились. И матушка. И муж её, господин Гээн. И батюшкина кормилица, что наше хозяйство ведёт. И все кормилицыны подружки. И кажется, даже батюшкина зазноба нет-нет да и всплакнёт над моей незамужней долей...

И братец — туда же со своими заморскими изречениями. Про птиц-однокрылок и рыб-одноглазок, которые весь свой век парами живут, иначе сдохнут. Но как выйти замуж, в учёных книгах не написано. Сказано только, что непременно надо выбирать по календарю. Было б у меня по жениху на каждый месяц в году да на каждый год из дюжины звёздных лет — я бы уж, наверное, как-нибудь выбрала...

Все судят да рядят, а до дела почти и не дошло. Каких-то кавалеров обсуждают, но отмечают за негодностью. Одного уговорили прийти познакомиться. Кормилица меня умоляла: ни слова о делах! Я и вела себя прилично. Не обмолвилась ни про какой грабёж, подлог, растрату... Беседовали о погоде, о достопамятных местах, о стихах. Жених держался тоже пристойно, за занавес ко мне подглядывать не пытался. Назавтра стишок прислал. А потом занемог. Сперва решили — от страсти, да не тут-то было. От календаря. Оказалось, для него, по срокам его рождения, в этом году взошла как раз какая-то такая звезда, что через неё он к нашему дому ходить не может: дорога запретная. И стоять на своём месте это светило будет двенадцать лет. А мне — ждать, пока оно стронется? Я помру раньше.

Ну, а с другими кавалерами и до того не дошло.

Я бы и не огорчалась. Но когда все про этих женихов с утра до ночи твердят... Да еще у Рю, у маленькой, любовь завелась — с сыном Урасаки. Сам Урасака, как батюшка чин получил, сделался старшим челядинцем, а сын его — нашим возчиком. Рю на их половине теперь ночует. А батюшка — с новой женой.

Лучше я бы служить пошла, что ли. При какой-нибудь госпоже из старшей нашей родни, из Конопляного дома. Пусть бы даже при какой-нибудь вздорной отставной дворцовой даме. Да нужны ли им прислужницы?

Правда, сегодня сам Конопляный господин Асано вызвал к себе батюшку. Не в Палату Обрядов, а домой. Может, и выйдет мне служба?

Жгутовый человек

Господин Асано, глава Палаты Обрядов, старший в доме Конопля

Намма, средний советник Полотняного приказа, его младший родич

Усадьба Конопляного дома — на Первой улице, ближней ко дворцу. Занимает целый квартал. Во всём убранстве — строгость, почти как во дворцовой Палате Обрядов. Сразу видно: живёт здесь первый сподвижник верховного жреца — Государя, Властителя Земель. А нынешнему Государю господин Асано приходится ещё и дедом по матери.

Кажется, даже нетронутый снег в саду выровнен, уложен ровными гребешками, словно на подступах к святыне. Сад велик и по всем сторонам обведён крытыми переходами — от одного жилого крыла к другому и к большому дому. Не жильё среди деревьев, наоборот — деревца, кусты и пруд с мостиком в оправе из построек. За решетчатыми створками сквозь бумагу еле виден свет в покоях. Будто месяц светит сначала в дом, а уже оттуда — наружу.

Масляный фонарик-непроливайка зажжён в рабочем уголку господина Асано. Конопляное масло, конечно. Старший в роду Конопля принимает младшего родича наедине.

Очень стар глава Палаты Обрядов. И лицо, и руки — как из пеньки свиты, из толстой верёвки и тонких жгутов — под сухой тоненькою кожей. Седина при

фонаре кажется желтой. А глаза чёрные, ясные. Как малым детям, так и старикам можно не прятать зора, глядеть открыто.

Одет по-домашнему, в рябенький халат. Младший родич Намма не подымает взгляда выше рукавов главы дома. Выше узорной грелки: на ней старик держит ладони. Сам Намма в должностном зелёном наряде, слишком громоздком для доверительной беседы. Но что поделать — средний советник явился сюда прямо со службы.

Уже не юноша, конечно, но — видно, что он ещё в самом начале своей зрелости. На четвёртом десятке, раза в два помоложе господина Асано. Ростом невелик, сложен округло, лицо застыло от почтительности.

— Иными словами, жениха у тебя на примете нет, — говорит старик.

Он спросил: решил ли уже Намма, за кого выдать дочку? Средний советник удручённо склоняет голову ещё ниже. Нет жениха...

— А у меня — есть.

Асано не зовут своих младших в гости просто так. Непременно затем, чтобы порадовать подарочком.

— Что скажешь, если им будет мой младший внук?

Сын младшего сына, двоюродный брат Государя. Племянник главы Полотняного приказа...

Намма не меняется в лице. Старый Асано это оценил. Продолжает:

— Девочка у тебя — храбрая и рассудительная. Слышал я, не теряется и в сложных обстоятельствах.

Сомнительные достоинства для невесты. Видно, дом Конопки подобрал жениха ей под стать.

— Буду прям. Внук мой испорчен слишком мягким воспитанием. Третьего дня его вернули в город: он собирался бежать в горный храм. Едва не принял монашеские обеты. Это благочестиво, но не уместно: в нашем доме монахов пока достаточно. Его надобно женить.

Старик замолчал, ждёт ответа. Намма не станет

расточать благодарностей. Молвит деловито, кратко, как любит господин:

— Это поможет?

— Должно помочь. В Конопляном доме женатые в храм не уходят. Или... Ты видишь другие способы?

— Я мало знаю молодого господина...

А внука дед к разговору не позвал. Хотя уж при сватовстве-то мог бы и предъявить жениха. Беглец при поимке сопротивлялся, да так, что синяков пудрой не прикроешь?

— Вот и посмотришь сам, — кивает господин Асано.

Да. Разные строптивцы своевольничают по-разному. Выбрать способ усмирения можно лишь применительно к особенностям пленника.

— Рад буду принести посильную пользу, — отвечает Намма, голосом не выказывая ни радости, ни ужаса.

— Завтра мальчик проберётся к тебе в дом. Пусть проведёт у вас ночь, другую, третью... — старик разводит руками над грелкой. — И будем считать, что дети любят друг друга. И поженим.

Итак, задача Наммы и его домашних — чтобы за трое суток молодой господин не сбежал или не выкинул чего похуже. Кто их знает, почитателей Просветлённого, с их обетом целомудрия...

Прокрался

Барышня Намма, девица на выданье

Намма, средний советник Полотняного приказа, её отец

Молодой господин Асано, её жених

Урасака, старший челядинец дома Намма

Батюшка вернулся поздно и сказал, что мне нужно хорошенько выспаться. Потому что под утро ко мне прокрадётся кавалер. Младший внук самого Конопляного господина, необычайная честь.

Да я же глаз не сомкну! А вдруг он не в те покои

сунется по ошибке? Братец спросонья может и за оружие схватиться. А уж кормилица... Нет, сказал батюшка: прибудет жених, скорее всего, под охраной, хотя и украдкой. А челядинцы дома Асано нашу усадьбу знают.

Всё равно я до утра не спала. По такому случаю даже Рю осталась при мне. Но и посудачить о кавалере толком не получилось: мы обе про него ничего не знаем. Правда, Рю обещала разведать.

Известно только, что он хотел уйти в монахи. И нужно его убедить, чтобы он передумал. Стеречь его надо, а жить с ним вообще-то никто не заставляет. Ну, надо на него посмотреть, решила я. Что за молодой господин из старшего рода.

Ох. Лучше бы я раньше думала!

Как раз когда меня всё-таки сморило перед рассветом, вдруг — шум, топот. Кавалер крадётся! Двое крепких охранников держат его за бока, чуть ли не ноги ему переставляют. Еще один впереди, показывает дорогу, да сзади четвёртый на подхвате. Утро морозное, а они все уже взопрели — от ответственности. Жениха за ними плохо видно. Но завели его прямо ко мне в покой и оставили. Я лежу укрывшись с головой, думаю: сейчас сосчитаю до пяти и выгляну.

Это и было ошибкой.

На раз-два-три-четыре-пять кавалер успел усесться на циновке по-монашески, ноги узлом. Руки сложил лодочкой, глаза закрыл — и сидит. Видеть никого не хочет. Стоило прятаться!

Длинный, тощий. Нарядный. Только одежда на нем сидит так, будто его пьяного одевали или сонного. На голове непонятно что: волосы клочками обрезаны, где на палец, где на три. Монахи голову гладко бреют, но для этого — бритва нужна, а этот, похоже, пробовал управиться ножницами.

А так с лица он — не то чтобы вовсе противен. И не старый. Я не спросила у батюшки, которого года жених, но с виду ему лет двадцать.

Только что-то с лицом у него не так. Думаю: что? Слишком умытый, вот. Умытый и не напудренный. Словно не в Столице. Зато видно: не рябой. И то хорошо.

Не рябой, не горбатый, не расслабленный. Зачем бы его в монахи потянуло? Разве что — припадочный? Я припадков вообще-то никогда не видела, даже любопытно.

Тут батюшка зашёл. И начал путать игру господину главе Конопляного дома. По обычаю, если жених повадился в дом, обнаруживать его надо на третье утро. И тут уж любезно, но твердо осведомляться о его намерениях. А тут — часу не прошло, как уже приветствуют! Непорядок!

Впрочем, с ним хоть здоровайся, хоть не здоровайся. Молодой господин Асано сидит истуканом, не шелохнётся, бровью не поведёт — как в засаде, только весь на виду. Господин Намма обиды не показывает, словно того и ждал, но я-то вижу: батюшка тоже несколько озадачен.

А тут и Урасака подходит, хмурится деловито, оглядывает жениха со всех сторон. Батюшка вопросительно бровь подымает — Урасака мотает головой. И — сквозь зубы, тихонько-тихонько:

— Не, голова вроде цела. Сидит прямо — рёбра, видать, тоже...

Если расчёт был, что кавалер на такое неприличное обсуждение встрепетается, то не вышло. Сидит себе.

Господин Намма чуть нахмурился, потом говорит вполголоса:

— Ладно. Вы уж присмотрите за нашим гостем, а я вынужден отправляться в Приказ. Пожарные ночью, говорят, государственную измену изобличили. Будто это их дело... Надо смотреть!

И не успела я расспросить, что за измена, как батюшка поклонился — и был таков!

Нет, верно матушка говорит: хочешь, чтоб дело хорошо было сделано, — делай сама. Надо было мне

раньше самой жениха себе найти. Из батюшкиных сослуживцев молодых или из братцевых старших однокашников. А тут — дождалась, пока глава дома меня благодетельствует...

Смотрю на Урасаку. У него вид суровый. Но — ободрительно подмигивает мне, кивает на жениха и громко шепчет:

— Похоже, и не столбняк!

Утешил...

К счастью

Намма, средний советник Полотняного приказа

Хокума, младший советник того же приказа, родич и подчинённый Наммы

Писаря и рассыльные Полотняного приказа

Господин Намма предъявляет должностную дощечку на мосту при входе во дворец. Стражи во дворце много, служащих в разных палатах тоже много, целый город в городе — и нельзя рассчитывать, чтобы каждый часовой помнил каждого чиновника. Даже советника Полотняного приказа. Впрочем, эти лица служилому человеку лучше и не помнить. Ведь Полотняные — это те, кто ведет Государев сыск. Не по части воров и буянов: тех усмиряет стража, столичная и местная, под началом Палаты Наказаний. Полотняные же готовят и объявляют Государевы указы, а кроме того, расследуют должностные преступления и крамолу по всей державе.

Внутри есть ещё одни ворота, сами — как большое здание в два уровня. Стоя в проёме этих ворот, глашатаи объявляют указы. Если подняться туда, на ступеньки, то слева будет небольшая дверка. Она ведёт во внутренние помещения ворот. Тут-то и сидят

Полотняные чиновники.

Посреди приёмной стоит пожарный. Ждёт, когда здешнее начальство примет у него доставленные бумаги. Найдены при пожаре на Седьмой улице, содержание непонятное. Раз так, то, следуя правилам, их принесли сюда, и уже здесь оказалось: грамоты строго тайные, выносу из дворца отнюдь не подлежали.

Намма выдаёт расписку в получении бумаг, отпускает пожарного. Заглядывает в сверток.

— И верно: безобразие.

Писаря уже смотрели, что там такое, но решение выносить им не по чину. Средний советник Намма поясняет для них:

— Из Ведомства Календарей. Расчёты на будущий год. Самые главные.

Государева часть календаря. Первым после составителей, звездочётов, её видит и заверяет сам Властитель Земель. Намма бережно заворачивает свёрток, не вчитываясь, какие предвещения по звёздам и приметам вычислило Календарное ведомство. Озирается:

— Где Хокума?

— Так Хокума же и погорел! — отвечают писаря.

— На чём погорел?

— Да на пожаре. Это его квартал полыхнул.

— Сам живой?

— Живой. Присылал с утра своего малого. С извинениями, что опоздает. Он вчера как знал: до ночи тут работал. А дома без него беда стряслась.

Хокума, родич и ближайший сотрудник. Из другой ветви того же дома Конопля — Северной, а Намма — Южной ветвь. Опоздал в присутствие в первый раз в жизни. Живёт в Столице без семьи, с одним челядинцем, с ним и на службу ходит. Дом на Седьмой улице с утра и допоздна стоит пустой. Загорится — тушить некому.

Надо распорядиться... Пусть кормилица с Урасакиной женой соберут, что нужно послать погорельцу на первое время: тюфяки, посуду, припасов

съестных...

А Хокума уже в дверях. Склоняется низко:

— Прибыл с места происшествия. Прошу господина среднего советника заслушать донесение.

Должностное платье он явно не снимал со вчерашнего дня. Подол в пепле, рукава в копоти, отряхнуты, но толком не оттерты. Лицо не набелено: пудра, видимо, была дома. Щёки горят: торопился поспеть на службу. И всё равно красив. Лицо без пухлости, как тушью вычерчено, уверенной кистью. Движения быстрые, глаза блестят из-под ресниц. Лучший!

Почему так бывает: на лучшего по службе человека валятся домашние бедствия? Ведь Хокума даже сам не вёл ещё ни одного дела, не скажешь, что подследственные отомстили...

Младший советник сильно устал. Но будет очень нехорошо, если Намма двинется на осмотр пожарища, а его оставит тут. Как чужого.

— Пойдём. По дороге расскажешь.

Идти до Седьмой улицы — меньше получаса. По главной длинной площади на юг, потом свернуть к востоку. Хокума с докладом уложился как раз до поворота.

Пожарные свидетельствуют: первым загорелся юго-западный дом в квартале. Там проживает некая дама, молодая вдова с немногочисленной челядью. Эту усадьбу первой и начали тушить, и в ней нашли подозрительные бумаги. Откуда бы им там взяться? — Извольте видеть: даму посещал тайный поклонник. Господин Симэ, по должности — младший звездочёт Календарного ведомства. Зачем он взял на свидание служебные бумаги, пока не известно.

За советниками поспешают несколько рассыльных. Одному из них Намма прямо здесь, на площади, черкает распоряжение. Господина Симэ срочно найти — дома, на службе, у друзей или где еще он — и вызвать в

Полотняный приказ.

Потом загорелись соседние усадьбы. На севере — дом самого Хокумы. На северо-востоке проживает чиновник Податной палаты с большой семьей. Родня его, как оказалось, промышляет изготовлением снадобий, в доме хранился запас целебных масел. Несколько горшков. В общем, от той усадьбы немного осталось. А на востоке — самое большое домовладение в квартале. И самое многолюдное, особенно сейчас. Как опять-таки выяснилось при пожаре, в той усадьбе — у заместителя главы Военно-музыкального управления — гостит родич с Восточного пограничья. С дружиною в двадцать два бойца. И с ним тут же в гостях живёт ещё один господин из тех краёв, тоже при дружине. Объясняют они так: этот второй — заклятый враг музыкантова родича, не пригласи его в Столицу — разграбил бы имение родича в его отсутствие. Итого — почти полсотни вооружённых молодцов. Кто в усадебном доме, кто в палатках во дворе, а кто в пригороде: стережёт коней. Кто же остался охранять рубежи на Востоке — пока не установлено. Воины деятельно помогали тушить огонь, разорили не меньше, чем пожарные. Но — погасили.

Хокума докладывает чётко, с именами, чинами и должностями всех гостей и любовников.

— Когда же ты успел? — дивится средний советник.

— К счастью, это мои соседи, — отвечает Хокума. И слышно, что мог бы продолжить: мне, мол, непозволительно не знать о них всё в подробностях.

Намма останавливается посреди площади. Взглядывает Хокуме в лицо:

— Родич! Нельзя же так, в самом деле. «К счастью»...

Были бы в доме — тряхнул бы за плечи: ну, нам-то какое же может быть счастье от твоей беды! И мне, и всем Конопляным. Достойное дело — не щадить себя на службе, но есть и тут предел беспощадности!

А то придет призрак: «Свершилось убийство. По

счастью, жертвой его пал я. Могу дать точные приметы преступников»...

Хокума повинно кланяется. Обиделся. Будто его опять выбрали за то, что сам он ценит больше всего. И в себе самом, и в Полотняной службе.

Пожарище

*Намма, средний советник Полотняного приказа
Хокума, младший советник того же приказа, родич
и подчиненный Наммы*

Молодая вдова, возлюбленная господина Симэ

Её челядинец

Рассыльные, мусорщики, монахи, соседи

Дотла квартал, конечно, не выгорел. Не только глиняная ограда стоит, но и кое-что из построек уцелело. Но горело жарко – снег растаял на несколько шагов вокруг пожарища.

А вот изгородей между усадьбами толком не осталось – столько раз через них ломались и погорельцы, и пожарные. Да и сейчас народу в квартале много. Мусорщики раскидывают мелкие головешки, растаскивают обгорелые брусья. Это божьи люди Морового святилища, они ищут и убирают скверное: мёртвые останки. Сколько было и сколько осталось скотины, собак, кур после пожара, — это хозяева сказать ещё могут. Но ведь были и городские птицы за стрехами, и крысы под полами... Всех, кто сгорел или задохнулся, нужно убрать, прежде чем жильцы начнут искать в углях, что от их скарба уцелело.

Один из мусорщиков с недоумением смотрит на бычью голову — чем это её отрубить могло?

Но скверна скверной, а дело безотлагательное. Намма заходит в ограду, младший советник — за ним, рассыльные держатся у ворот.

В ближайшей усадьбе не сгорела только пристройка для слуг. Оттуда слышны голоса монахов: читают молитву над покойником. «Нянька той дамы, — тихо поясняет Хокума. — Вытаскивала сундуки. Балкой её зашибло». И та же молитва слышна подальше, из самого дальнего дома. Значит, и там не только скотина погибла — люди тоже...

По докладу Хокумы выходит, что вот отсюда пожар и начался, здесь и бумаги нашли. Как только они уцелели? От главного дома остались только ямы на месте вывороченных столбов — да кучами обгорелая кора с крыши, доски, бревна, уголья и зола. Впрочем, дом догорал уже обрушенный. Грамоты могли подхватить, пока искали в нём людей. Пожарные — а скорее, соседи или сами жильцы. Напрасно Намма не спросил: кто именно нашёл тот сверток. Похоже — кто-то, точно знавший, что нужно спасать.

На большом соседнем подворье мусорщиков уже не видать, да и погорело там, похоже, меньше. Это музыкантова усадьба — его гости, как были, с оружием, сидят среди уцелевших построек и что-то жуют. Ратные люди, близкой скверны не боятся. Видно, что иные из них перевязаны тряпками и все — устали. Поглядывают на чиновников с любопытством, но сами не подходят.

Обойдя развалины здешнего дома, средний советник видит нечто вроде садика, обгорелые деревья. И на одной из чёрных веток, чуть выше человеческого роста, висит яркий шар. Разноцветный, с хорошим кулак размером, лёгкий — качается на ветру.

Ветка сломалась, когда Намма попробовал его достать. Круглая бумажная гроздь из пестрых цветов — красное, белое, жёлтое. Не закопчён, лишь слегка запорошён гарью. Явно повесили уже после пожара. Средний советник подносит его к лицу, нюхает. Поясняет Хокуме:

— В такие внутрь благовония кладут. Но этот — пустой.

Хокума — человек холостой, может и не знать, каким рукоделием нынче дамы на досуге занимаются. Намма — знает.

— Зайдем к хозяйке? — спрашивает младший советник.

— Придётся.

Вдова, к которой ходил календарщик, сидит в той же пристройке, где монахи молятся над мёртвой старухой. Накрылась с головой замаранным покрывалом и плачет. Рядом — крепкий, немолодой уже челядинец: лицо красное, бровей нет, смотрит исподлобья. Хокума без слов, одними руками, поясняет: возчик здешний.

Преступников допрашивать нелегко, пострадавших — еще тяжелее.

— Сыск по слову Государеву, — говорит Намма тихо. — Госпожа сможет рассказать, что здесь произошло?

— Он всё знает, — женщина под покрывалом подымает локоть, показывает на челядинца.

Намма кивает, и возчик, не вставая, начинает говорить:

— Принимали гостя. Во внутренних покоях. Я в хлеву был. Мать — тут, у себя.

Он, значит, нянькин сын...

— Слышу: кричат. Бегу в дом. Там жаровня опрокинута посреди главного покоя. И переборки уже горят. Пробежал вглубь, вынес молодую госпожу. Гостя уж не было. Потом мать подросла — платья выносит, тюфяки. Огонь уже — до крыши. Соседи понабежали. Я полез за матерью, пока дом не начали рушить. Тут балки и обвалились. Мать — насмерть, меня соседские гости вытащили. Порубежники. Вот и всё.

— А когда ушёл гость госпожи?

Возчик передёргивает плечами:

— Не видал.

Госпожа подает голос:

— Его не нашли. Он почуял дым, вышел посмотреть и пропал. С ним что-то случилось... Он не мог так убежать. Он бы... Он за мной вернулся бы. С ним — что-то страшное, иначе бы он...

— Мы найдем господина Симэ, — обещает Намма. — Помнит ли госпожа: при нём были какие-нибудь бумаги?

— Не помню.

Возчик молвит:

— Были. В верхнем его платье, в рукаве. Оно в доме осталось. Мать успела во двор выкинуть. Пожарные подняли потом. Чуют — тяжелое. Достали свёрток, унесли.

— А прежде он с бумагами сюда не приходил?

— Да, часто, — всхлипывает женщина. — У него дома шумно, работать нельзя.

— Вы знаете, над чем он работал? — спрашивает Намма негромко, наклонившись к ней.

— Что-то по службе. Материковыми знаками написано. Я их читать не умею.

Средний советник поворачивается к Хокуме:

— Кто ближайшая родня госпожи здесь в Столице?

— Прежний наставник Шестого царевича, дядя её покойного мужа. Усадьба на Третьей улице, в западной половине.

— Нужно послать к нему. Пусть пришлёт носилки за госпожой, срочно. И никого к ней не пускает. Пока носильщики не придут, оставляем тут людей.

Хокума кивает. Понимает: после Полотняных сюда могут явиться те, кому есть дело до Государевой тайны. Те, кто, возможно, знал о привычках господина Симэ — и поджёт усадьбу, чтобы перехватить его самого и грамоты. Если эти злоумышленники не знают, что календарь уже найден, — госпожа в опасности.

— Я здесь останусь, — говорит возчик. Похоже, госпоже своей, а не сыщикам. — За домом смотреть больше некому.

— Только осторожно, — разрешает Намма, подумав.

— Ты с теми соседями ладишь, которые из Пограничья?

— Не ладил бы — не вытащили бы.

— Зови их на помощь, если сюда кто-то чужой полезет.

Челядинец кивает.

Хокума возвращается, показывает: передал. Взглядом спрашивает у начальника: могу ли задать вопрос свидетелю? Намма кивает.

— Послушай. Этот ваш гость — он у вас с кем-нибудь встречался из посторонних? В этот раз или прежде? — спрашивает младший советник у возчика.

Тот успеваает ответить — хозяйка откликается совсем отчаянным голосом:

— Нет! Нет! Никто не должен был знать! Тесть господина Симэ... — и умолкает. Хокума смотрит на среднего советника: ясно, мол; потом объясню.

Оба Полотняных чиновника покидают пристройку. Монахи их словно не заметили — знают своё дело.

Зимний крик Обезьяны

Барышня Намма, девица на выданье

Кормилица господина Наммы, ее отца

Госпожа Гээн, мать барышни

Господин Гээн, её нынешний супруг

Молодой господин Асано, жених барышни

Рю, воспитанница барышни

Таро, возчик господина Наммы, возлюбленный Рю

Сидит жених. Мы уже пообедали, а он всё сидит. К кушаньям не притронулся. А мы-то на всякий случай ему приготовили и обычного, и постного, и воду, а не только брагу. Даже воды не пьёт! Кормилица рассудила, что он и вчера не ел и не пил — по некоторым признакам.

Если он и нездоров, то такого недуга никто в доме не знает. Не лекаря же звать! Лекарь по всей Столице слухи разнесёт, а тут пока непонятно, есть ли чем хвастаться.

На разговоры жених не идёт, будто не слышит. Глаз не открывает. Но и не храпит. Посетителями не любопытствует — а на него уже кто только не приходил посмотреть.

Шепчемся с Рю. Она меня утешает:

— Это бывает. Вот богомол, например. Или лягушка — сидит, как каменная, только дышит, а потом — хватя!

— Ты что, хочешь сказать — он оборотень? — спрашиваю.

— Кто его знает. Но вообще не очень похоже. Если б у него вся родня такая была...

— Вот уж спасибо!

Рю побежала советоваться со своим дружкой Таро, Урасакиным сыном. Возвращается:

— Богомол — не богомол, а бывают такие горные отшельники. Сидит, как мёртвый, чего-то себе думает, а пролети над ним стрела — руку вытянет и поймает. Если целили в кого живого. Потому что — сострадательный заступник! Но это мы сейчас проверим.

Подбирается Рю поближе к молодому господину Асано, делает вид, будто прибирает после обеда. Тут входит Таро. С подносом, а на подносе навалены книги. Их вообще-то трогать не положено: чтение батюшкиной зазнобы. Но — позаимствовали для дела, она разрешила. Таро наклоняет поднос опасно, над головой у Рю и у господина жениха. Сейчас всё посыплется, пора хватать!

И посыпалось. Лучше бы Рю сперва убрала несъеденное угощение. А то какая-то повесть немного замаралась в подливе. Потому что никто книги не ловил. И даже не уклонялся. Рю не успела, а жених и не пробовал.

В общем, не вышел опыт.

Потом приехала матушка. Не могли ж ей о таком не рассказать: ко мне жених повадился! И уже застигнут в дальних покоях, то есть в моих, и скоро свадьба — а матушка ни при чём, как не родная? Ну уж нет!

Приехала она, конечно, не одна, а с господином

Гээном из Обезьянского дома, он теперь её муж. Матушка — сразу ко мне, а он пока снаружи остался, из учтивости. Тем более что батюшки дома всё ещё нет.

Матушка обошла жениха по кругу, как будто в храме — истукана золоченого. Посмотрела. Даже принюхалась. Подсела ко мне, спрашивает вполголоса:

— Это и есть жених?

— Он самый.

— Ох, что я за мать! — и даже лицо рукавом закрыла. — Надо было мне раньше этим делом озаботиться... Это у него что — сосредоточение или как?

— Наверно, — говорю. — Он вообще-то в монахи собирался уйти. А Конопляный господин решил его вместо этого женить.

— И он от ужаса оцепенел? Давно он так?

— Да с рассвета...

— Плохо дело. А перед тем... Он что успел сотворить... словом, из предрассветных дел мужчины? И на чём у него заминка вышла?

И поглядывает искоса то на постель, то на моего кавалера.

— Говорю же я: на побеге. Его из храма вернули, сюда доставили, он так с тех пор и не шелохнулся. Какие тут предрассветные дела!

Матушка призадумалась.

— Но если он у нас монах...

И чуть громче:

— ...То тихий какой-то для монаха. Книг святых не возглашает. В гонг не звонит...

И совсем громко:

— ...Закона не проповедует! Адом огненным не грозит, Чистой земли не обещает! И куда такой монах годится?!

Мало в Столице людей, кого моя матушка не может втянуть в перепалку, если захочет. Похоже, кавалер мой — из этих немногих. Молчит. Хоть его мужским бессилием попрекай, хоть нерадением о Законе.

Господин Гээн, как ему свойственно, под дверью

давно подслушивает. Но в женские покои чужого дома всё-таки не ломится. Тут, наконец, покашлял: не могу ли, мол, оказаться полезен? Ну, мы загородились занавесом и его пригласили — может, у него есть какой замысел. Он ведь сам из Обрядовой палаты — по службе мог слышать про семейство Асано и такое, чего мы не слышали.

Мы с матушкой друг на друга похожи — ростом невелики, станом округлы и нравом живы. Хотя волосы у неё, увы, куда длиннее моих — у меня даже до полу не достают, если встану прямо. Господин же Гээн — особа протяжённая, раскинет руки — от стены до стены достаёт. Подлиннее жениха моего. И куда как подвижнее.

Осмотрел он молодого господина, состроил серьезное лицо и тоже говорит:

— Да... Это бывает!

— Да что, что бывает-то? — спрашиваем.

— Приспело знатному мужу помолиться родным богам. Случай семейный, брак первый, как я погляжу: самое время для моления. Сосредоточился глубоко. А выйти обратно — не может! Чем старше род, тем оно глубже. Сосредоточение, я имею в виду.

— А вывести-то как оттуда, чтоб без нечестия?

— Ну-у... Способы есть.

И умолк важно. Сии тайны, мол, не для бабьего ума.

Походил взад-вперёд. Что-то пядями в воздухе померил. Рю и Таро о чем-то спросил тихонько. А потом нагнулся к самому уху молодого господина — и как гаркнет во всю мочь:

— Хаааа-а!

Из-под балок труха посыпалась. Рю опять книжки злополучные уронила. Во дворе собаки залаяли, к нам сюда люди сбегаются. Кормилица, на всякий случай, ковш с водою несёт — окатить, если с кем припадок. Господин Гээн разводит рукавами:

— Не то. Не сосредоточение, как я вижу.

Жених сидит. Не дёрнулся даже, не поморщился.

Если и оглох, по нему не угадаешь.

— А ведь был, по слухам, одарённым отроком! — сокрушается о нём господин Гээн. — Сколько книг прочёл, и мирских, и монашеских, дедушке готовился помогать в обрядовых делах... Не зря, должно быть, говорят: ранняя учёность — причина слабоумия.

Голова и шкура

Намма, средний советник Полотняного приказа

Хокума, младший советник того же приказа, родич и подчинённый Наммы

Соседи Хокумы

Жрец берегового святилища

Из усадьбы вдовы средний советник Намма отправляется к её северо-восточному соседу — податному чиновнику. У того на дворе тоже есть погибшие. Слышна не только монашеская молитва, но еще и другая: голоса женские, дребезжащие.

Хозяина уже предупредили о прибытии Полотняных сыщиков. Он с сыновьями ждет во дворе. Просит пройти под навес в уцелевшую часть дома.

Рассказать ему в общем нечего. Здешние господа подросли уже к концу пожара. Последние месяцы года — Податная палата готовит отчёты, все чиновники допоздна сидят на службе... Дома были только слуги, да ещё бабушка хозяина, ветхая старуха.

Намма с Хокумой идут расспросить её. Старая госпожа не сразу отрывается от молитвы. Она со служанками сидит в развалинах: домик в саду, обгорелый, наполовину без крыши и без передней стены. Но женщины здесь, на холоде, призывают милосердие Земного Чрева — заступника грешных страдальцев и страдалец.

С виду госпожа бабушка и её челядинки, тоже в летах, держатся лучше молодой соседки. Не молчуньи: во всех подробностях рассказывают, как ветром принесло горящую солому да бумагу от соседей, как

занялась крыша, а там и стены, и службы; как все они дружно спасали добро и пытались гасить огонь, как один их человек угорел, а второй уже в пылающем доме провалился ногой сквозь пол — застрял, там и умер. Как воины подоспели, разнесли всё, с чем женщины не справились бы сами, а там и детки да внуки прибыли — и пожарные следом. Намма выслушивает всё терпеливо. Посочувствовав, уточняет:

— Значит, домочадцы, соседи, пожарные... А чужих не видали тут?

— Как не видать! Посланец ада явился — сам! Сквозь стену!

— Чей-чей посланец?

— Адский, говорю, за грехи мои! — подтверждает бабушка. — Росту — с оглоблю, поперёк себя шире, голова — бычьей, из ноздрей — дым, из-под ног — уголья во все стороны летят! Кабы не призвала я вовремя Земного Чрева, заступника, — не толковала бы сейчас с тобою, господин мой! А как взмолилась — так посланец этот сразу и... расточился.

— Куда он расточился, не заметили? — деловито переспрашивает Хокума.

— Так в ад же! — в один голос свидетельствуют старушки. — Земля разверзлась, а там — темницы беспросветные. И бесы тащат грешников в пекло.

Подвижническим житьём, должно быть, даётся такое: прежде смерти ад узреть и остаться невредимыми. Только немного в том пользы для сыска.

Шагая через разбитую изгородь к последней, самой большой усадьбе, Намма бормочет:

— Бычью голову мы тут где-то видели...

— А вот и шкура, — показывает Хокума.

Зрелище и впрямь жуткое. Воловья шкура, вся в пятнах гари и крови, скручена коконом, из нее торчит человечья голова. Вокруг стоят и сидят пограничные воины. Нестройно здороваются.

— Это у вас что? — спрашивает средний советник.

— Товарища лечим. Обожжён сильно. Самое верное

средство, господин: в свежую шкуру завернуть.

— А чья шкура?

— А вот вчера как у соседей хлев занялся, вол вырвался, сперва стены проломил, потом к нам понёлся. Ну, мы его и... Бешеный был.

Прочие свои подвиги они тоже охотно пересказывают. По всему выходит: без подкрепления с Востока вся Столица сгорела бы.

— Последний век! — объясняет один из воинов. — Мы в гости прибыли ещё летом. А тут у вас — то наводнение, то землетрясение. Теперь — пожар. Не обижайтесь, господа, но что-то тут у вас совсем неладно. Жалованье казённое положили нам — не платят... Одной господской щедростью живём.

— Жалованье? За какую службу?

— Так мы же музыканты. Военные. Для устрашения врага и ободрения соратников: поём, исполняем пляску пограничных стражей. Вот и вчера: половина пожар тушит, половина ободряет — людишек местных городских, чтоб в огонь за чужим добром не очень лезли.

— Сдаётся мне, это скорее называется: устрашать.

— Главное — справились же!

— А очень лезли людишки? — спрашивает Хокума.

— Да нет, пока пожарные не прибежали, тихо было. Это ворьё так за пожарничьей телегой и ходит по городу. Авось что перепадет.

В общем-то всё ясно. Но Намма спросит:

— Господа ваши где?

Воин непреклонно качает головой:

— Почивают. Утомились ночью. Беспокоить нельзя!

Делать нечего, не с боем же прорываться. Полотняные чиновники покидают квартал. На углу видно — по площади уже едет возок отставного царевичева наставника. За вдовою.

Намма отпускает рассыльных в Приказ, сам же вместе с младшим советником направляется к реке.

— Что думаешь? Поджог?

Хокума медлит, потом кивает:

— Похоже. В пустом покое жаровня сама собой не опрокидывается.

— Или часть грамот воры всё же утащили. И по пути своротили жаровню, чтоб хозяйке и календарщику не до погони было.

— Скверно, если так.

— Куда уж хуже! — вздыхает Намма. — И ведь если б не нянька эта да пожарные — наверняка мы про бумаги и не услышали бы ни слова. Скажи, родич: ты господина Симэ сам знаешь? Я с ним не знаком.

Младший советник вздыхает:

— Я тоже. Откуда бы мне его знать... Они с подругою соседей в гости не зазывали.

Он и вправду не бывает нигде, и Намма мог бы это сообразить. Не владеет Хокума ни искусством беседы, ни песенным словом, ни заморской учёностью. В свете не блещет, на изящные застолья не вхож.

Вот только не вышло бы, что родич тратит свой досуг на личные сыскные дела. Оттачивает навык. И наживает на том себе врагов. Не мстителей пока ещё, а тех, кто наперёд боится разоблачений.

— Твой человек сейчас где? — спрашивает средний советник.

Хокума усмехается:

— Где? Дома. Думаю, препирается с твоим Урасакой насчет того, какая утварь для нашего хозяйства лишняя будет. Спасибо, родич, за заботу.

— Как иначе... — улыбается Намма в ответ.

Вот и береговое святилище впереди. Нельзя же сыщикам во дворец возвращаться без очищения. Средний советник медлит:

— Я вот что пробую понять. Если не все грамоты у нас — как мы тогда поступим? Не важно даже, просто растяпа этот Симэ или он в сговоре со злоумышленниками, но — в чём тут суть злоумышления? Затребовать выкуп за бумаги? В

расчёте на то, что Календарное ведомство сейчас за них даст любую цену? Или самим истолковать звёздные приметы? Но если так, значит, искать злодеев надо среди обученных звездочётов и предсказателей.

Хокуме тоже не хочется сейчас становиться под ледяную воду, хотя и надо. Он хмурится, рассуждает:

— Может, им и наука не нужна. Мы ж оба слышали, о чём те воины толковали — про последние времена и бедствия в Столице. Если таким слухам опорой будут тайные расчёты Государевых календарщиков, настоящие либо выдуманные приметы... Много кто прислушается.

Младший советник недоговаривает, но ясно: такие слухи на руку прежде всего тем, кто смуту замышляет.

— Ладно! — взмахивает рукавом Намма; копоть уже и от него летит облачком. — После святилища я — во дворец, в Календарное ведомство: пусть проверяют, все ли грамоты к нам в руки попали или пропажа есть. А ты — знаю, что устал, но постарайся сегодня зайти к Симэ домой. Может, он там уже. И тоже почивать изволит... А если нет его — потолкуй с его домашними и слугами.

За святилище на берегу отвечает малый тоже из родни Конопляного дома. Очищение — по бадье речной воды на каждого. После жрец предлагает согреться у него в доме. Зима! Значит, брага крепкая есть, вымороженная. Пить уже можно — обряд Первой браги Государь исполнил семь дней назад. «Если выпью, боюсь, засну» — попытался было Хокума отказаться. Да что там! На часок можно тут же и прикорнуть. Голова свежее будет.

Управляемся

Слуга младшего советника Хокумы

Посетители

Раз в десять лет погорели — а шуму-то! Слуга младшего советника Хокумы оглядывает гостинцы из

дома Намма. Одежда совсем новая, посуда, крупа, овощи. И бобовая подлива, а как же... Господину всё равно придётся справиться запасное казённое платье. И дом чинить: это будет главный расход.

Там, откуда родом этот малый, отстраиваться приходилось едва ли не каждый год. Не набеги, не дикари из-за рубежа — всё свои, защитники. Не знают тут в Столице, что такое настоящее бедствие.

Потому он десять лет назад, ещё подростком, в эти края и подался. Все говорили: в Государевом городе порядок, сытно и богато. Разорения вправду оказалось меньше, чем на Востоке, а насчёт сытости — это кому как. Беглые вроде него и тут особенно не жировали. Зато часто удавалось не грабить, а просто воровать. Или подаяния просить — даже не переодеваясь монахом.

Так они, кстати, с хозяином и познакомились. Заходит нищий паренёк в городскую усадьбу, где собак не слышать. Да и вообще — считай, никого. Только в доме сидит какой-то дядька в чиновничьей шапке, спиною к двери. И пишет себе. Нищий шагнул уже к ларю — посмотреть, что там стянуть можно. А дядька, не оборачиваясь, говорит: «Да. Рис там, где ищешь. Котелок у очага. Свари на нас обоих». Так и пошло. Прижился.

— Кто за главного будет? — окликают со двора.

— Я. Чего надо? — слуга выглядывает наружу. Здешние ворота закрыты, да что толку — изгороди-то нет теперь, кто попало лезет через вдовушкин участок.

Двое чумазых: мальчишка и старичок. Эти не из Морových, а скорее, с базара.

— Уголь продали уже?

Кому — дом, пусть и погорелый, а этим — «уголь».

Но не пропадать же зря добру. Поторговались, обожжённые брусья и жерди эта пара забрала за полторы корзины клубеньев. Чтобы отстраиваться, надо брёвна покупать, работников нанимать. Господское рисовое жалованье пойдёт в уплату, а на

прокорм — вот, будут хоть клубни. Из них каша тоже съедобная.

Своя челядь у господина Хокумы когда-то была — но давно разбежалась. В имении он не бывает. С утра до ночи на службе, а иногда и по целым суткам. Весь неухоженный. Это ему ещё повезло, что нашлось кому о нём позаботиться.

— Воротились? Да где ж вы шляетесь в пожарную пору? А мы вас — знай, тушим. Вот я тебе сейчас расскажу...

Это с музыкантского подворья. Говор восточный, век бы его не слышать. Соседи! Растащили, небось, больше, чем спасли. Да ещё похваляться ходят.

— Не жди угощения. Не будет. Ты уже третий рассказывать пришел. — отвечает слуга, выговаривая слова нарочно по-столичному.

Поворчав, воин удаляется. Хорошо, кабы последний...

На всех не напасёшься. Хотя при такой службе, как у хозяина — взяточников ловит! — другой бы полсотни челядинцев мог содержать. Только к чему лишние люди, коли вдвоём управляемся? А войны сейчас нет.

Хозяйка, конечно, не помешала бы. Хорошо — как сегодня, господин на службе, слуга дома. А если надо куда бежать или за кем следить по хозяйскому приказу, дом пустой остаётся. И есть приходится одну сухую рыбу — стряпать некому.

Только где ж её взять, хозяйку? Господину Хокуме невесту надо под стать, из хорошей семьи. А в хороших семьях его уж ославили: не в себе, мол, на службе горит, чуть не перегорает. И если что пишет — то не стихи да письма барышням. И ведь не отопрёшься — и впрямь не то чтобы у господина с головою всё было в порядке. Сперва ещё туда-сюда, а уж последнюю пару лет... Кабы не слуга — пропал бы господин Хокума, поминай как звали! Ну, и наоборот тоже. В Столице ведь без хозяина — никуда, за десять лет десять раз бы конец пришёл...

Хулы и похвалы

Барышня Намма, девица на выданье

Молодой господин Намма, брат барышни

Госпожа Гээн, их мать

Господин Гээн, её нынешний супруг

Молодой господин Асано, жених барышни

Рю, воспитанница барышни

Друзья молодого господина Наммы по Училищу

Когда у господина Гээна ничего не получилось, матушка стала искать виноватых. Уже всерьёз. Во-первых, она невнимательная мать. Во-вторых, я растяпа. В-третьих, батюшкина верность дому Конопля идёт во вред его собственной ближайшей родне. И вообще он сам на этом деле опозорится. В-четвёртых, господин Асано-старший нам сплавил, что самому негоже. В-пятых, сам мой жених — сидит тут сиднем и даже слова поперек не скажет! Пришли последние времена! Мужчина, знатного рода кавалер, а ломается, как баба: ни да, ни нет.

В-седьмых и в-десятых тоже было.

С другой стороны, такого мужа-монаха и обманывать проще. И право слово, он того заслуживает! Вот именно, — поддакивает матушке господин Гээн, — что убиваться-то? Ну, муж. Последний, что ли? Женится, как деду его угодно, а там можно и в монастырь... Матушка ему: да чтобы по сердцу друга найти, супруга в келью запирать и не обязательно... И пошли друг друга подкалывать, кто кому из них ловчее изменит и кто ужаснее будет ревновать. Послушаешь из-за занавеса — не поверишь, что немолодые уже люди...

Рю между тем поглядывает на молодого Конопляного господина. Надобно пристальнее смотреть: не может быть, чтоб он совсем-совсем не шевелился! Живой всё-таки...

Не видно. Или уж он как-то очень медленно и плавно двигается, незаметно. Как трава растёт. Или как

в толстой верёвке со временем жгуты расходятся: пусть на полпальца в год, но ползут.

— Бывает в наших краях, — рассуждает Рю, — девушку иной раз выдадут замуж за дерево. Чтобы орехи лучше родились. Тут — так же?

Не знаю. Я даже того не пойму: а свадьба эта нужна господину Асано на самом деле? Или это хитрость, игра для каких-то сторонних зрителей?

Но зачем? Чтобы молодому господину в храме потом больше почёта было? Как же — великий соблазн превозмог, самое девицу Намму! Выдержал десять тысяч обид и насмешек, но в гнев не впал! Послушаешь матушку — и догадаешься, почему для такого испытания из всей Конопляной родни выбрали именно нашу семью...

Гээны подождали-подождали, а батюшки всё нет. Вот жестокое сердце! — говорят. — В доме такое творится, а он — крамольников ловит! Уехали, но посулили ещё вернуться.

Ближе к вечеру братец принимал гостей: своих однокашников по Училищу. Уселись они в соседнем покое, за бумажной переборкой. Стали развеивать тоску учёной беседой на заморский лад. С выдержками из древних мудрецов страны Сю.

Братец на год меня моложе, ещё никакой не жених. И к службе только готовится. Но застольную беседу повёл о семейной любви и державном долге. Он про это много читал и думал.

— Слышал ли ты, что человек — чудеснейшее из всех чудес Неба и Земли! А из качеств человека наилучшие — почтительность и верность. Пожертвовать жизнью для Государя — но продлить и то, что получил отца и матери. Что на свете радостнее семейного счастья? И что достойнее беззаветной службы? Тот же, кто обрил себе голову, уклоняется и от первого, и от второго. Понапрасну износишь тело, вотще растратишь силы! Опозоришь память предков, не оставишь имени потомкам!

Это на братца похоже: пируешь с одними людьми, а обращаешься к другим. Будь я на месте его сотрапезников — обиделась бы.

— Нам возразят: почти полтысячи лет уже Государи державы нашей наделяют землёю храмы, воздвигают изваяния Просветлённого, благоволят монахам, искусным в чудотворстве. Не особый ли способ служения державе — творить обряды Трех Сокровищам? Ответствую: монахи сами учат, что путь их не закрыт никому, будь лишь на то добрая воля и прилежание. Зачем же отдавать в монастыри лучших людей из старинных родов? Рачительно ли опирать курильницу на драгоценную яшму, когда на то достаточно простого камня? Разумно ли запрягать в повозку боевого коня, если возможно обойтись послушным волом? Простолюдин, движимый рвением, в монашестве пусть доходит до высоких посвящений, пусть возглашает книги Закона во дворце самого Властителя Земель. Но — потомок Властителейых ближних сподвижников?!

Чудится ли мне, что Конопляный внук зажмуривается ещё крепче? Знаю, мол, сам всё это учил... Очнулся, что ли?! Нет, показалось. Свет так падает.

Самое тяжкое в их заморской премудрости: не поймёшь, когда тебя величают, а когда хулят. Действительно, без невозмутимой белёной личины не обойдёшься.

Разговор о лошадях товарищи братца охотно подхватили — даром что едва ли кто из них верхом часто ездит. Мол, после повозки боевой конь и под седло не годится. Род — родом, а способности — способностями: выучишься храмовому обряду, да окажется, что нет к тому дарования, и что тогда? Монах выйдет скверный, для светской службы учиться уже поздно... Даже мне обидно стало: с чего бы им так насквозь чужие способности видеть, ещё не примененные?

Что рано, что поздно, а что вовремя — это у молодого господина Наммы вообще из головы нейдет. Особенно после того, как батюшка новый чин получил. Я слышала, как братец рассуждал: это что же, в расцвете лет — и предела достичь? Нет, его это не устраивает. Затем и учёность: чтоб не просто служить, но дойти до чинов, нам по роду не положенных, но по способностям — доступных. И к старости сделаться наставником кого-нибудь из Государевых детей. А то и наследника! Но он правда почтительный, разговоры эти вёл не при батюшке.

А батюшки-то всё нет... Вот уже и зазноба его у себя в углу бумагой не шуршит: беспокоится. Что там в Приказе стряслось, в самом деле?

Утечки нет

*Намма, средний советник Полотняного приказа
Юкихара, ведущий наставник Ведомства
Календарей
Писаря, звездчёты и барабанщики того же
ведомства*

В ранних зимних сумерках господин Намма возвращается во дворец. Идет на дальний двор, к башенке, откуда барабанным боем отбивают часы. Временем вообще занимается Календарное ведомство. Работают днём и ночью.

В помещении на нижнем уровне башни посередине стоит большой сосуд — водяные часы. Вокруг за столиками сидят писаря, как в любой чиновничьей палате. Но кроме тушечниц и бумаг здесь по столам расставлено ещё множество хитрых приборов.

Пахнет странно. Похоже, здесь нынче принимали ходока откуда-то с гор, в меховой шубе — и к тому же сильно затасканной. Впрочем, как знать: возможно, какие-то наблюдения за звёздами ведутся именно в горах.

Ведущий наставник Юкихара, начальник господина

Симэ, не сидит за своим столом, а возлежит чуть поодаль, головою опирается о бочонок со свитками книг. На полу возле него валяются барабанная колотушка и редька: надкусанная и уже пожухлая. У календарщиков приказ — ничего и никогда не выкидывать, во избежание утери важных данных? Или сие показывает, что здесь нет мышей, врагов письменного слова?

При всём беспорядке сам господин Юкихара выглядит хорошо. Причесан со щегольской небрежностью, одет в узорное неуставное платье — с рисунком в виде веток под снегом. По свежему лицу и не скажешь, что он на десять лет старше Наммы. Когда подручный шепнул ему насчет посетителя, ведущий наставник сел. Убрал со своего стола тяжеленное бронзовое колесо с насечками и шпеньками. И только потом поклонился следователю Полотняного приказа.

Намма спросит, не давал ли о себе знать господин Симэ. Увы, нет: на службе не появлялся, объяснений не присылал. Полотняный приказ также не имеет сообщить о нём ничего нового. Ни дома, ни у супруги, ни у друзей младшего звездочёта нет, и нигде о его местопребывании не ведают.

Потом средний советник поднесет наставнику Юкихаре свёрток с утерянными грамотами. Тот просмотрит, раза два с любопытством подымет бровь. Подытожит:

— Благодарю. Бумаги важные, Ведомство Календарей вам обязано.

— Записи здесь — все?

— Да, конечно.

Слишком быстро, слишком запросто сказано? Или такова обычная повадка ведущего наставника?

— Прежде младшему звездочёту Симэ доводилось выносить бумаги со службы? — спрашивает Намма.

— Как тебе ответить? Разумеется, мне о таком безобразии ничего не известно. Но, думаю, выносил.

И улыбается. Не каждый чиновник, объясняясь с Полотняным приказом по поводу пропажи тайных

грамот, держится столь непринуждённо.

Господин Юкихара поясняет:

— Симэ — человек усердный. И беспокойный. Привык перепроверять собственные расчёты по десять тысяч раз. В присутственные часы не укладывается.

— Но не грозит ли подобное рвение утечкой либо утратой...

— ...Ценнейших сведений? Да ничуть. Вот, видите же: ничего не пропало.

— Если бы не бдительность пожарных...

— ...То сгорело бы. Опять-таки никакой утечки, — кивает Юкихара. — А утрату мы бы возместили. У нас же весь календарь переписывается неоднократно.

Средний советник понизит голос:

— Хотелось бы узнать. Выкраденные кем-либо — эти грамоты доступны истолкованию либо перетолкованию? И какая для этого требуется подготовка?

Юкихара мельком взглянет на следователя. Как на болвана:

— Истолкованию доступно всё что угодно. Перетолкованию — тем более. Какова подготовка, такое и толкование получится.

— Я немного о другом, — молвит Намма. — О том, возможно ли из этого календаря извлечь сведения, не предназначенные ни для кого, кроме Властителя Земель.

Ещё более снисходительно наставник отвечает:

— Ведь это от нас зависит, окажутся ли те или иные сведения ложными.

Тут Намма вправду не понимает. Юкихара подсказывает:

— Разве в твоём приказе — иначе? «Утечка» допущена или сделан «обманный ход» — определяем мы, а не Государевы супостаты.

— Но... Когда речь идет о людях, о показаниях подследственных, например... Да, конечно. Но — так ли с небесными светилами? Люди говорить могут разное, а

звёзды ведь следуют извечным путём. Либо супостатам вовсе нет проку в звездочётских выкладках, либо они способны проверить: календарь перед ними или бессмыслица.

Календарный наставник вздохнёт. С видом бездонного долготерпения начнёт объяснять в третий раз, как дитяти:

— Господин средний советник! Вы учитывайте вот что: приходят последние времена. Век конца Закона. Светила сбиваются с путей своих, времена года пребывают в беспорядке.

— Как это?

— А так. Ты знаешь, который день у нас сегодня по звёздам?

— Второй день Пса одиннадцатого месяца.

— Ничего подобного, — качает головой Юкихара, — по звёздам нынче день Тигра. Завтра — праздник Первой браги.

— Завтра?

— Да, представь себе. Но Властителю Земель и его сподвижникам удобнее справлять сей обряд пораньше, до наступления морозов. И потому мы имели удовольствие любоваться им семь дней назад. Ты заметил что-нибудь необычное? Я тоже — нет. И никто не возражал, даже самые наши чуткие жрецы. Расчёты поддаются подгонке, видишь ли. Небесные явления подстраиваются под земные нужды.

И, помолчав, ведущий наставник произносит чуть другим голосом:

— Это и есть «последний век», как говорят сведущие люди. Хочешь жить по точному календарю — дождись новых времён. Сейчас невозможно. Да и бессмысленно.

— «Новых времён»? Чтобы Властитель Земель переименовал свою пору правления? Перенёс столицу? Или — вот это?

Намма берёт со стола листок, кисть с тушечницы, пишет: *«Закатилась слава Ин, уступила славе Сю».*

Смена правящего рода. На материке такое бывало, в Облачной стране — пока ни разу. И думать о таком страшно.

Календарщик Юкихара берёт листок. Перегибает с угла на угол. Потом ещё раз и ещё. Отглаживает уголки, свёртывает в виде цветочка. Тушь внутри, конечно, размазалась в обыкновенное пятно.

Видит, кажется, что Намма ждёт ответа. То есть — господин следователь всё ещё не понял.

— Не о том речь. Извини, я сам тебя запутал. «Дождаться» в обычном смысле слова тут невозможно. Я говорю о будущем мире. О Мироку.

Намма набирает воздуха:

— Знаешь, у нас многие так говорят: «А я что? Все так делают». Это объяснение, но не оправдание.

— Оправдание? — отзывается Юкихара, тоже уже раздражённо. — А что, свершилось преступление? Супостаты, о ком ты толкуешь, уже в чём-то признались? Или хотя бы... Как-то проявили свое существование? Календарь в дурные руки не попал. Неподобающих толкований не прозвучало. В чем ты меня обвиняешь? В том, что я плохой звездочёт?

Что-то булькнуло в водяных часах. Один из писарей поднялся, взял длинный шест, стукнул в потолок. Наверху, на башне ударили барабаны.

Час Кабана. Поздно уже. И сказать нечего. Средний советник откланивается и встаёт.

«Мироку»... Что за слово? Помнится, это какой-то подвижник... Но их у монахов много, поди разберись.

К оружию

Барышня Намма, девица на выданье

Намма, средний советник Полотняного приказа, её отец

Молодой господин Асано, её жених

Госпожа Намма, нынешняя жена господина Наммы

Урасака, старший челядинец дома Намма

Рю, воспитанница барышни

Господин средний советник вернулся поздно, озабоченный и даже сердитый. Ничего не рассказывает, спросил: как у нас? А нам порадовать нечем. Кавалер сидит и молчит. Братцевы гости, увидевши хмурый лик господина Наммы, попрощались и разбрелись.

Батюшка обращается к молодому господину Асано:

— Хотел бы спросить у тебя совета. Сразу о нескольких вещах. Прежде всего о Мироку: кто он или что это такое? И еще: о «конце времён». Что о нём говорится в монашеских книгах? Рассчитывают ли его по звёздам?

Ничего себе дело! Я от любопытства ёрзаю, жених ни слова не говорит. Даже не кивает: знаю, мол, вот ещё погожу — и объясню.

Только отчего-то кажется мне: он задумался. Может, и до того размышлял о чём-то, но тут мысли в другую сторону побежали. Вот что значит — следовательно! Несколько слов хватило — а у других и ковш холодной воды не помогает.

Батюшка подождал, потом пошел к своей зазнобе. И Рю к своим — к Таро и его родителям. Оставили меня с кавалером одну.

А он хоть при людях, хоть наедине — одинаковый. А ведь это вредно, думаю: целые сутки сидеть, скрутивши ноги. Потом и не встанешь!

Набралась я духу ему сказать то, что при родне неудобно:

— Ты мне скажи, молодой господин, чего ты всё-таки хочешь. Тебе в храм надо? А в котором храме тебя ждут? Может, удастся весточку передать. А господину деду твоему докладывать о том не обязательно. Я ничего такого не обещала. Мне сказано: глаз не спускать, и только. Чтобы бумаги и туши тебе не давать или письма воровать — уговора не было. И потом: я же и в дороге могу — глаз не спускать-то... Соберёмся потихоньку и убежим. Уж до храма я тебя провожу.

Если бы он и вправду удрать хотел — самое время сейчас. Только он всё сидит. А ежели Конопляный господин внука тоже не понял, как и мы? Может, ему чего-то совсем другого хочется?

Думала я, думала, потом задремала. Даже уже снится что-то начало. И вдруг — шум, лязг!

— К оружию!

И огни во дворе мечутся, через переборку видно.

Отшельники, что ли, с гор спустились — выкрасть нашего гостя?

Сам он им навстречу не рвётся. Что нам, женщинам дома Намма, в таких случаях делать, давно условлено: сидеть тихо и не соваться мужчинам под ноги. Даже новая госпожа уже усвоила: не вопит, не рыдает, совсем её не слышно.

А кавалера вчера посадили прямо перед дверьми. Затопчут ещё! Эх, надо было коврик ему подстелить! Чтобы перетащить волоком можно было куда-нибудь в угол.

Врывается Урасака со своей новой саблей. Растрёпанный, глазами крутит. А из-за спины его ко мне Рю пробирается. Строит рожи, но не видно, чтобы сильно была напугана. И нож свой держит так, что понятно: не собирается она его в ход пускать.

— Что стряслось? — спрашиваю.

Урасака как взмахнёт саблей чуть ли не над самой макушкой у жениха!

— Усадьба, — говорит, — окружена. Вооружённые, с огнём, кто — пока не понятно. Твой... молодой господин драться хоть умеет?

А я откуда знаю? Не пробовали. Если и умеет, то не намерен. Сидит, как сидел. Рю глазами то на него показывает, то на Урасаку. Ничего не понимаю!

Тут наконец появляется батюшка. За ним виден братец: в нижней рубахе, но схватил уже свой лук и колчан.

Вид у господина Наммы скорее гневный, чем встревоженный:

— Какого... — проглотил неучтивое словцо, — что всё это значит?

Урасака опускает саблю, кланяется почтительно:

— Учебная тревога, господин. Только он — всё равно... — и мотает головою на Конопляного внука.

Брат что-то возмущённое вопит, батюшка ему, не глядя, подаёт знак: цыц! А у самого на лице написано: вы, стало быть, опять хотели как лучше? Это значит, господин Намма очень зол.

Говорит — с ледяным хрустом в голосе:

— Твой приказ, Урасака, на случай тревоги — являться ко мне, а не к молодому господину Асано и не к барышне.

— Виноват, — склоняет голову Урасака. И поглядывает из-под бровей: ты, мол, неужели не понимаешь, зачем всё это?

Батюшка понимать не желает. Коротко извиняется перед гостем и вместе с Урасаккой идёт успокаивать домашних.

— И тут не вышло! — вздыхает Рю. — Совсем каменный!

Могли бы и меня предупредить.

— Что следующее у вас на очереди? — брюзжу. — Пожар? Землетрясение? Ледяная буря?

— Да на сегодня, наверно, уже всё, — отвечает Рю серьёзно.

Ушла. В переборку тихонько стучит батюшкина зазноба:

— Барышня!

До сих пор ко мне так обращается. А как ещё? Не «дочка» же я ей...

— Может быть, ты поспишь пока, а я посторожу? А потом сменимся.

Вот глупости какие! Она, будущая тёща, станет стеречь господина зятя?

Отвечаю вежливо:

— Да не надо. Ты с батюшкой будь, ему нужнее. Я тут управлюсь.

Полночь

Узкий тёмный сарай. Ничего не видно, только слышно, как кто-то ворочается. Пахнет кислым. Снаружи слышатся шаги, за открывшейся дверью – огонь. В углу сарая молодой человек в нижнем платье щурится и пытается отвернуться. Пришедший ставит светильник в угол, прикрывает дверь. Набрав ковшом из кадки воды, присаживается рядом с первым на корточки и даёт ему напиток. Сам тот взять ковш не может: руки связаны.

— Ну что тебе надо? — спрашивает пленник. Похоже, уже не в первый раз. — Чем я таким перед тобой провинился?

Человек с ковшом поводит плечами:

— Ничем.

— Значит, тебе кто-то приказал? Мои враги? Моя родня?

Тот не отвечает, кладёт ковш поперек кадки. Спрашивает:

— Есть хочешь?

— Да не до еды мне! Я ничего уже не понимаю!

— Время такое.

Оба умолкают — связанный тихо хнычет, второй его рассматривает. Безо всякого выражения на лице. Потом первый осторожно спрашивает:

— Это... из-за неё?

Его собеседник улыбается — почти весело. Качает головой:

— Нет.

Здесь нет ни очага, ни жаровни. Не слышно, чтобы хоть за одну из стен ходили люди. И всё же — будто бы тепло. Странно: чем согревается этот нетопленный сарай?

При свете видно: места тут много. И большая его часть заставлена бочками. Внутри них что-то тихо плюхает само по себе.

Непонятное, тёмное сооружение стоит наверху одной из бочек. Часы? Бочонок поменьше? Пузатый кувшин с ручками и крышкой? Не видно.

Из-под крыши с балок на ниточках свисают шары. Бумажные цветочные шары с шёлковыми кистями. Стены, должно быть, законопачены плотно: нитки висят отвесно, не качаются. Никакого сквозняка.

И эта вонь. Что — или кого? — держат в здешних бочках?

Лучше об этом не думать. Лучше говорить:

— Тебе нужен выкуп?

По одежде не понять, кто этот сторож: разбойник? Чей-то челядинец? Служилый господин из тех, что победнее?

Конец года. Заимодавцы собирают долги. Ведомства сводят отчёты, вскрываются растраты. Даже и столичному чиновнику могут срочно, позарез потребоваться средства.

— Выкуп? — эхом откликается тот.

Связанный заторопился, твердит взахлёб:

— Развяжи — я напишу. Моя жена... мой тесть богатый человек. Он заплатит. Много заплатит. И все будут молчать. Чтоб никто не узнал. Тебе нечего опасаться, я тоже буду молчать. Я ведь и не знаю даже, кто ты!

Второй поднимается, смотрит на пленника. Без улыбки говорит:

— Получается — разбойный дух. Хорошо. Я сам напишу.

Берёт светильник, выходит. Слышно, как задвигается засов.

Младший барабанщик

*Намма, средний советник Полотняного приказа
Хокума, младший советник того же приказа, родич
и подчинённый Наммы*

Стражники

Задержанный

Писаря и рассыльные Полотняного приказа

С утра на площади народу немного, так что она кажется ещё просторнее. И всё же — пешеходы, повозки, носилки. Младший советник Хокума на службу идёт пешком. Сегодня — всё-таки в сопровождении слуги. Хорошая была ночь: нигде не горело, на стенах иней блестит.

Велико ли жалованье у городских стражников? Они всегда жалуются, что слишком маленькое, а гляди-ка: идут вчетвером, и двое тащат такой большой мешок, что даже на морозе вспотели. Остановились, носильщики передают груз двоим другим. И замечают младшего советника. Окликают:

— Господин Верёвочный!

Прозвище по Вервию, родовой святыне всего дома Конопля.

— Чего вам от господина? — спрашивает слуга Хокумы.

— Старший дед ваш нынче во дворце? Тут знаменье явилось. Само.

«Дед», старый господин Асано — глава Обрядовой палаты. Со знаменьями следует обращаться к нему. По дороге отнюдь не разглашая увиденное кому попало. Младший советник однако же любопытствует:

— Оно — в мешке?

Стражники кивают. И сваливают ношу наземь. Внутри неё что-то кряхтит.

— Покажите-ка.

Мешковину развязали. Там сидит нечёсанный грязный малый непонятного возраста. Нагишом, но не видно, чтобы дрожал от холода.

Тяжело дышит, зыркает по сторонам. Стражники на всякий случай берут его в кольцо. Он урчит неразборчиво.

— Помешанный? Глухонемой? — спрашивает Хокума.

— Бери выше, господин: оборотень!

Обрядовая палата и ее тайны — это само собой, но когда на тебя так пристально и выжидательно глядит Полотняный чиновник, лучше уж всё выложить. Если что, с него пусть и будет спрос.

— Идём мы сегодня на рассвете с обходом, — начинает старший стражник. — У южных ворот. Глядь — прямо к нам, со стороны дворца, несётся здоровенная зверюга. Мы — за оружие; как он подоспел ближе, разглядели: барсучий пёс, только очень крупный. И прежде чем я его рубануть успел, он всеми четырьмя лапами упёрся, встал на бегу и — вот. Человеком перекинулся. Показаний не даёт, сперва всё сбежать норовил. Не иначе, знамение!

— Последние времена приходят, — хмуро откликается другой стражник.

Младший советник слегка отстраняет одного из служивых, подходит ближе, нагибается, заглядывает оборотню в глаза. Тот фырчит, но напасть не пытается.

— Со стороны дворца, говорите? — задумчиво молвит Хокума. И спрашивает у малого: — Ты чей?

— Бух! — отчётливо произносит тот. — Сбу... Служба! — и мотает головою на север.

Если кто-то оборачивается барсучьим псом — это, конечно, знаменье. Но если такое позволяет себе Государев чиновник...

— Это не в Палату Обрядов. Это к нам, — постановляет Хокума.

— Расписку извольте, — говорит стражник. Младший советник не возражает.

Выдав бумагу и переписав для себя имена и должности стражников, Хокума отпускает их. А у задержанного спрашивает:

— Обрати в мешок полезешь или так пойдёшь?
— Сам! — гордо надувается оборотень.
— Обмотать бы его этим мешком, — предлагает слуга, — всё-таки дворец, неприлично.

Даже в таком **облачении** не всякий провёл бы своего спутника через дворцовую охрану. Но Хокума — человек упрямый. Жреца из Обрядовых так и не стали звать для проверки скверны. Пропустили под ответственность Полотняного приказа.

Средний советник Намма уже на месте, мрачный и невыспавшийся. Накануне Хокума только успел сообщить начальнику, что господина Симэ дома никто не видел после пожара. Сейчас Намма ждёт подробностей. А вот упитанный незнакомец в странном наряде для него — неожиданность. Неужели поджигатель?

Хокума коротко и чётко пересказывает слова стражников. Приказные встали из-за столиков, столпились вокруг. Слишком близко, однако, не суются. Барсучий пёс и укунить может.

— Служба, значит? — Средний советник приглядывается к задержанному. Тот ёжится, хотя в помещении и теплее, чем на улице. А Намма грозно спрашивает:

— Имя, чин, должность?

Оборотень икает, прокашливается, потом выпаливает — и впрямь каким-то лающим голосом:

— Зовусь Тануки. Временный младший барабанщик. Календарная палата.

— Не Палата, а Ведомство, — уже мягче поправляет Намма.

— Ох, извиняюсь. Да. Это я спросонья.

— Ты там у стражников в мешке — спал?

— Нет, я до того. Долго. Пока не понял, что надо бежать, — поясняет оборотень Тануки.

— Ах, да. Звери твоей породы зимою спят. А «бежать» — почему?

— Последний век пришёл!

Намма взглядывает на него внимательно. Присаживается, указывает барабанщику: можешь, мол, тоже сесть. Берет кисточку, чтобы записывать:

— Подробнее.

— А подробнее я не знаю. Спал. Испугался, проснулся. Понял: последний век! Ну, то есть весны не будет. И лета потом тоже. Подхватился — и домой.

— Зачем? — спрашивает Намма с некоторым недоумением. Тануки не отвечает, только поводит шеей, будто в жёстком вороте. Средний советник уточняет:

— Ты там, в Календарном ведомстве, давно зачислен на должность?

— С середины осени. Когда всё закачалось: земля волнами пошла. Как домой добраться? А раз в столице — надо служить. Я барабанить умел всегда, мне показали — когда надо.

Занимательные подробности узнаёшь во дворце. Вчера в Календарном ведомстве над головою у следователя Наммы — тоже какой-нибудь пёс время отбивал? А в часах водяной сидит и булькает, когда надо? А сам господин Юкихара тогда, получается, кто?

Хокума уточняет:

— Ты когда проснулся? Вчера, третьего дня?

Мало ли что спросонья может учинить барсучий пёс. Может, и огня уже не боится.

— Нынче, — уверенно отвечает Тануки. И, подумав, добавляет: — Пожалуй, в час Зайца.

Более внятных показаний он дать не смог. Намма распорядился послать к календарщикам. Пусть опознают и объяснятся.

Стоит отвернуться!

Намма, средний советник Полотняного приказа

*Хокума, младший советник того же приказа, родич
и подчинённый Наммы*

*Тануки, младший барабанщик Календарного
ведомства*

*Юкихара, ведущий наставник того же ведомства
Писаря и рассыльные Полотняного приказа*

Пока явятся за барсучьим псом, младший советник может доложить. Звездочёт Симэ проживает — или проживал — в доме своего тестя, старшего советника Ведомства Двора. Каковой о похождениях зятя ничего не знал или не желал знать. Супруга календарщика пребывает в расстройстве и тревоге — её отец от расспросов оградил. Однако её ближняя девушка дала понять, что для молодой госпожи увлечение супруга — не тайна. Хотя кто именно предмет его чувств, жена не ведала.

Дом он покинул утром накануне пожара, после службы прислал весточку, что ночью ему предстоит наблюдать звёзды — отложить это невозможно. Там и не тревожились особенно: не впервой. Хотя по службе господин Симэ вообще-то занят расчётами, а не наблюдениями, но родне он этого не уточнял.

Носил ли зять домой бумаги со службы прежде — старший советник Двора, к сожалению, не знал. А то бы, разумеется, строжайше выговорил за такое упущение. Просил, если господин Симэ отыщется живым, предоставить его для этой цели. А то ведь молодой человек — сирота, больше его поучить уму-разуму некому!

— Впрочем, — добавляет Хокума, — старший советник просил незамедлительно известить его и в том случае, если зять отыщется неживым. Тот либо другой случай представляется ему предпочтительным, я не вполне понял. Старец в гневе.

При словах «тесть» и «зять» средний советник Намма сегодня как-то странно замирает. А пёс, похоже, не вслушивается в то, что ему знать не положено. Даже при слове «пожар» усом не ведет. А усы у него не бриты

уже давно.

Только собирался господин Намма распорядиться, чтобы Хокума всё изложенное свёл в письменный доклад, — как явился ведущий наставник Календарного ведомства. Оборотень рухнул ему в ноги.

— Ваш барабанщик?

Господин Юкихара удручённо кивает:

— Наш. Что он натворил?

— Он, как можно понять, исчез с места спячки через несколько часов после того, как пропал другой ваш служащий, Симэ. Подобные совпадения настораживают, — говорит Намма с укоризной. Что пользы, дескать, было уходить от ответов вчера, если нынче всё равно придётся продолжить беседу?

Календарщик склоняет голову:

— Принимаю упрёк. Возмутительно! В служебное время! В голом виде!

— В обоих видах, — уточняет Намма, — страже он едва не попался, когда был в шубе. И на четырёх ногах.

Тануки так и лежит — носом в циновку.

Ведущий наставник продолжает извиняться. Хокума спрашивает:

— А что значит «в служебное время»? Он утверждает, что уже месяц как спал.

— Даже немного больше, — соглашается Юкихара. — Сейчас это и есть его должностные обязанности. Видите ли: он — примета. В книгах по календарному делу встречается указание: «когда барсук заляжет в нору». Отмечает конец осени. Соответственно, «когда барсук покинет зимовье», — это признак весны. За неимением барсуков на наших островах мы при наблюдениях обходимся вот такими псами. Однако посылать в лес обследовать норы диких животных нам некого: следопыты в ведомстве не предусмотрены. Остаётся пользоваться удачным случаем.

Тануки, не поднимая головы, что-то урчит. Кажется, опять о том, что весны не будет.

Намма понимающе кивает:

— Примета, стало быть. И много у вас подобных служащих, господин ведущий наставник?

— Сейчас — только этот. Они, понимаете ли, занимают свои должности на временной основе. Поскольку, увы, тоже не предусмотрены по спискам. Впрочем, барабанить Тануки и впрямь учился с большим усердием. Пока не уснул.

Теперь в голосе Юкихары негодования уже нет — даже напускного. Жалость — да, некоторое смущение — пожалуй, но на подчинённого он не гневается. И хотел бы по возможности сгладить последствия его служебного небрежения.

— Вам следует написать объяснительную записку по поводу этого барабанщика, — заключает Намма. — Нам сюда — и, разумеется, в Палату Обрядов. Согласуйте значение примет, дабы не пошли кривотолки. И приложите старание, чтобы более такое не повторялось!

Наставник Юкихара кланяется. И показывает глазами: я ваш должник. И ещё, кажется: «А ты не настолько непонятлив, Намма, как притворялся вчера».

Господин календарщик уводит своего подчиненного. По знаку среднего советника Хокума беззвучно следует за ними. И слышит, как Юкихара, даже не выйдя из Полотняного приказа, начинает ворчать:

— Сколько раз тебе говорено: не соваться на улицу безо всего! Не бегать на четырёх прилюдно! Да, век последний — так зачем время торопить? Этак для тебя он продлится — ровно до первого вооружённого встречного болвана...

По спине видно: оборотню очень стыдно. Оправдываться он и не пытается.

Вернувшись к своему столу, младший советник принимается перекидывать бумаги. Вдруг замирает с небольшим листком в руках.

— Эт-то что такое? — охает он в большом

смущении.

Намма окликает:

— Что там у тебя?

— Прошу простить. Ничего, — бормочет Хокума. Читает, что написано на листке, и вдруг резко встаёт.

Подходит к столу среднего советника.

— Изволь взглянуть, — и подает грамотку Намме.

Бледная тушь, недорогая бумага, письмо женское: буквами, без заморских знаков. Почерк неуверенный, малограмотный. Случается, столичные дамы передают послания возлюбленным на службу — ведь почти у каждой есть в родне или чиновник, или дворцовый стражник. Если это любовная записка — зачем её подавать по начальству? А вот если кто-то из наших приказных вздумал подшутить над Хокумой — что тот до сих пор холостой и подруг не имеет, — это отвратительно!

Впрочем, в записке речь о другом:

Кто желает получить господина звездочёта Симэ живым и целым, пусть бросит в дворцовый ров близ юго-восточного угла двенадцать мерок серебра.

— Откуда это взялось? — спрашивает средний советник у всех присутствующих.

Сегодня Намма здесь с утра. При нём никого постороннего в Приказе не было. Кроме оборотня и календарщика — но те всё время были на глазах, к столу Хокумы не приближались.

— Ты вчера меня отпустил, — вздыхает младший советник, — я вечером сюда не возвращался. Своего стола не видел со вчерашнего утра. Зря, получается.

Почти весь вчерашний день господин Намма тоже провёл вне Приказа. Писаря начинают перебирать давешних посетителей, жалобщиков, доносчиков и тех, кто просто забегал поболтать.

— Всех надо будет проверить. Пока — ни на кого из них не похоже. Слишком уж нагло!

Разная мерзость

*Намма, средний советник Полотняного приказа
Хокума, младший советник того же приказа, родич
и подчинённый Наммы
Его слуга
Писаря и рассыльные Полотняного приказа
Монах из храма будды-целителя
Мусорщики и зеваки*

Неприятнее всего — что наши приказные тоже попадают под подозрение. Кто-то из них пронёс сюда записку от похитителей. По глупости? Уважил просьбу незнакомки у ворот: занеси, мол, это письмецо твоему сослуживцу Хокуме... Или сам связан со злоумышленниками?

А может быть, это нам голову морочат. Сейчас мы все начнём выяснять, как сюда попала эта бумажка и от кого она. Тем самым преступники выигрывают время. Знать бы, для чего. И опять-таки: заодно с ними господин Симэ, или он — их жертва. Ежели не жертва, так и никаких других злодеев может не быть, кроме него самого. Устроил себе исчезновение на пожаре...

Хорошо бы узнать, получали ли подобные письма в Календарном ведомстве и в дому господина советника Ведомства Двора. Нелепо как-то — вымогать выкуп прямо у Полотняного приказа, минуя родню и начальство звездочёта.

Понадеемся, что грозный тесть и Юкихара, если получат такие же записки, снесут их сюда? А вдруг — поверят и даже решат заплатить?

Очень странное место для передачи мзды. «Бросьте в ров». Бросить-то несложно — но как незаметно выудить это серебро? Место приметное. Сделать вид, будто случайно свалился в воду, глаза на юго-восточный угол дворцовой стены? Было б чем любоваться... К тому же утопающего стража вытащит — но уж наверняка вытряхнет из него всё добро, что при

нем окажется. Да и холодно сейчас нырять в воду, искать что-то в тамошней грязи и мути.

Кто может незаметно обшарить ров? Снова оборотни? Сомы на столичной службе, не иначе, наняты предсказывать землетрясения...

Или всё проще? Мусорщики. Им и положено этот ров чистить, у них есть на то особая лодка и снасти.

Средний советник Намма выходит из глубокой задумчивости:

— Так. Вчерашними посетителями займёмся позже. А пока следует выяснить, единственное ли это подмётное письмо. Всем — перебрать бумаги, у кого что на столе или в коробе. Если найдётся еще что непредвиденное — отложить, опечатать, сохранить до разбирательства. А если не обнаружится тех грамот, какие должны иметься... ну, сами знаете. Младший советник Хокума остаётся за главного. И пишет доклад, от которого мы отвлеклись. Если будут ещё посетители — следить за ними попристальной.

И выходит. Начальство спрашивать, куда оно направляется, не положено. И хорошо: не ответишь же: «На свалку!»

Намма идет к Восточным воротам. Там стоит молельня, в ней монах принимает заказы на уборку всякой скверны. Приписан к храму будды-целителя, что при Моровом святилище на Восточных холмах. Мусорщики все под началом тамошнего бога — грозного усмирителя заразы. Чтобы жителям Столицы не переговариваться с ними напрямую, монахи и устроили у ворот приёмную.

Да и здесь приняты меры ограждения от скверны. Жаровни стоят прямо на улице, на холоде: дымят защитными благовониями. Монах не показывается, сидит за зарешеченным окошком.

Средний Полотняный советник представляется и спрашивает:

— Намечена ли на ближайшие дни чистка

дворцового рва?

— А что? — отзывается сиплый тонкий голосок. — Там какая-то незаурядная мерзость всплыла?

Видимо, с тех пор как моровики имеют дело с монахами, у них появилась точная роспись, какие бывают восемь или сколько их там видов мерзости: обычная, незаурядная, сугубая, исключительная...

— Просил бы наставника ответить на заданный вопрос.

— Вроде нет. Морозно же! Допустим, что и плавает — всяко не загниёт пока. Но если необходимо...

Пока не загниёт, падаль не будут убирать даже из-под стены Государева дворца. Последние времена! — Ну вот, Намма и сам набрался этих словечек...

— Может оказаться необходимым. И вот ещё: что там в ближайшие дни выудите — складывайте в кучу и стерегите, чтоб не растащили прежде, чем из Приказа придут ознакомиться, — со вздохом говорит Намма. Это ж они такую кучу наложат для Полотняных чиновников... Отборной, непревзойденной мерзости.

Но нет! Монах, судя по голосу, там у себя за решёткой даже в лице изменился:

— Позвольте, господин средний советник! Никак не возможно! Великим Властителем Земель пожаловано нашим божьим людям нерушимое право! На всё! Сколько-то ценное! Что среди скверны обнаружится!

— Включая возможные улики? — уточняет Намма.

— Без каких-либо исключений! Впрочем, если укажете, чем именно любопытствуете, поглядим и доложим: было, не было... Вы там в Приказе не беспокойтесь. У каждого своя скверна: нам вот врать мерзостно...

Хорошо, наверное, тем, у кого в этом храме родич есть... Хотя, конечно, не всякому родичу такое пожелаешь.

— Хорошо, давайте так. Всё выловленное занесите в опись, я потом посмотрю. Помечайте, в котором часу что было найдено. И особое внимание обращайтесь на

посторонних, кто будет шляться возле рва и вам мешать. Или тем более — помогать.

— Договорились. Но вы бы предупредили всё же: человек там плавает? Скотина, зверь, птица? Или диковина какая?

— Лучше вам, наставник, заранее этого не знать. Дабы не предвосхитить ожидания.

Отойдя от молельни, средний советник замечает: народу у Восточных ворот заметно прибавилось. А по улице слышен грохот тяжелой повозки.

— Поберегись! Скверна едет!

Горожане толпятся у стены дома, ближайшего к воротам. Телега мусорщиков, поравнявшись с ними, останавливается. Возчик принимается неспешно поправлять упряжь.

Груз на телеге кое-как прикрыт циновкой. А с той стороны, где толпа, и вовсе почти открыт. Из-под циновки торчит — лучше бы не приглядываться, что. Обмёрзшие клочья, чей-то мех, чьи-то перья и лохмотья. Люди у стены — тянут шеи, всматриваются. Хотя и глупо так искать кошек своих, невольников и кто бы ни пропал. Лучше бы уж сразу запросить Моровое святилище: если, мол, найдёте — известите...

Кстати, и Полотняному приказу надо будет это сделать. Напрасно Намма не с этого начал, когда толковал с монахом.

Показалось: знакомое лицо среди толпы. Слуга Хокумы. Тоже наблюдает за телегой? То есть младший советник всё-таки ведёт своё расследование, по собственному замыслу? Впрочем, трудно было и ждать иного.

Слуга перехватывает взгляд среднего советника. Качает головой: нет, нашего звездочёта тут нету. Намма возвращается к монаху за окошком, дает приметы пропавшего.

— Понятно. Если привезут — вас первых известим.

Сказал это монах — и отошел от решётки, быстро-быстро зашептал что-то кому-то. Стукнула

дверь молельни — та, что ведет внутрь ворот. Кто-то побежал в сторону Восточных холмов.

На обратном пути средний советник всё же подошел к юго-восточному углу стены. Один, никого подозрительного рядом не бродит. Вода — чёрная, даже на вид ледяная. По ней — неровный налет, как жир на похлебке. Плавают много всякой дряни — но сверху не опознать, что именно. Разве что у берега болтается в воде разбитый ящик. И к нему сверху прилип яркий бумажный цветок.

Не дождетесь

Барышня Намма, девица на выданье

Господин Намма, её отец

Рю, её воспитанница

Нынешняя жена господина Наммы

Молодой господин Асано, жених барышни

Матушка письмом спрашивает: ну, что?

Ничего нового: жених не пил, не ел, по нужде не отлучался, исчезнуть не изволил. И не говорил ни слова.

А не в том ли всё дело, что мы при нём запросто держимся, как при монахе, даже не прячемся толком? Достойно знатного мужа: видя неприличие, поступать так, чтобы сгладить чужую неучтивость.

Ладно, решили не обращать на жениха внимания. Занавес опустили, сидим, как воспитанные женщины. Я, Рю и батюшкина жена с нами. Развернули шитьё, работаем. Советуемся, отчего бы с кавалером могла такая молчанка приключиться. То и дело заглядывает кормилица. Проверить, как наш новый способ: не подействовал? Нет. Поглядит на несъеденное угощение, вздохнёт, уйдёт — а потом опять...

Мне уже и вчера всё это не нравилось. А сегодня — и вовсе.

Батюшка прибыл со службы. Безответно поздоровался с будущим зятем. Зашёл к нам, велел подавать ужин. Спросил:

— И чем вы нынче друг дружку застращали?

Сыщик! И объяснять не надо, что нас никто чужой не пугал, мы сами справились. Теперь его пугать начнём.

Рю как самая младшая высказывается первой:

— Я думаю, он и правда не простой человек. Не потому, что знатный, а — с духами знается. Пока с ними говорит, ничего больше не видит, не слышит. Они его по своему царству водят. Оно б и ничего, дело почтенное. Только вот эти его помощные духи... они, говорят, ревнивые бывают. И к невестам, к жёнам — особенно. Могут незаметно подкрасться и нутро выесть!

Батюшка ей, кажется, не поверил, но ничего не говорит, смотрит на меня.

— А я не знаю. Я — лицо пристрастное.

— Ты не фыркай, а выскажи свое пристрастие.

Ну, сам захотел:

— Сколько так сидеть можно, как неживому? Урасака говорит — голодный срок еще не вышел, а вот без питья... может и не выдержать уже скоро. Если через тростинку в него не вливать. А если он у нас и впрямь себя голодом уморит — что делать? Ведь в храмы и за этим иногда уходят, верно? Чтоб там монахи помереть спокойно дали. Что ж нам теперь, всем разбежаться, а дом храму отписать, что ли?

— Глупости, — твердо заявляет господин Намма. — В пределах города обустроить новые храмы запрещено — иначе как вплотную к воротам. От нас до ворот — сосчитай сама, сколько жилых усадеб. Мы бы уже знали, если бы и там засели бритые.

Тут новая госпожа голос подаёт — и уже слышно, что вот-вот расплачется:

— А может, задумано, чтобы не сам жених умер. Вот просидит он так три дня. Кто ж сказал, что после этого воспрянет? Позор... Может быть, они думают — если

девочка через него погибнет, ему за такой грех уже ни в какой монастырь ходу не будет... И придется служить, как и желает старый господин.

— А с чего бы — погибнуть? — удивляется батюшка.

— Так от духов же! — объясняет Рю.

— Или от позора, — вздыхает госпожа. — Или от...

— От злости, не иначе, — говорю, — лопну. Что я, топиться буду? Прямо в колодце? А вот уйду сама в монастырь — что они будут делать?

Тут батюшка нахмурился:

— Во-первых, что это у вас за «они»? Много во власти главы Конопляного дома, но вот то, про что вы толкуете, — не его образ действий. Желал бы господин Асано, чтобы кто-то из нас удавился, — он бы просто верёвку прислал. А не внука. Во-вторых, храмы тем и славятся, что туда не праведники уходят, а порой ровно наоборот. И ничего, принимают. Ежели кто кого «довёл» — такое, пожалуй, даже к чести будущего послушника. Большая сила убеждения, для проповедника полезная черта... И в-третьих: если бы молодой господин одержим был духами — дед его ни на шаг от себя бы не отпустил. Глава Обрядовой палаты чудеса любит.

— А тогда, — рассуждаю я, — не для того ли всё затеяно, чтобы мы крутились дома вокруг жениха и ничего не делали? У тебя, батюшка, сейчас никакие храмы в деле не замешаны?

— Не думаю, — невпопад отзывается господин средний советник и продолжает кушать.

Отведал того, сего. Мы молчим. Он спрашивает у Рю:

— А что ты носом водишь?

— А чего от твоей милости чумным курением пахнет? Мы тут сидим, а в городе — зараза?

— Чтоб слова твои слышал подвижник Бездонное Ухо! — молвит ей батюшкина жена. Испугалась пуще прежнего.

Господин следовательно смотрит на нас и головой

качает:

— Нет. Пока только пожар.

И начал рассказывать.

По-семейному

Барышня Намма, девица на выданье

Господин Намма, её отец

Рю, её воспитанница

Нынешняя жена господина Наммы

Молодой господин Асано, жених барышни

Непонятно, слышит ли Намму молодой Конопляный господин. Если слышит — тем лучше. Поймёт, что его уже считают членом семьи, раз обсуждают при нём тайные сведения из Полотняного приказа. Так в этом доме принято.

И женщины пусть отвлекутся от тех ужасов, что насочиняли. Пусть хоть и на чужое несчастье. Дочка уже что-то вычисляет в уме. Жена жалеет погорельцев. А маленькая Рю смотрит странно. И опять носом подергивает.

— Барсучий пёс — он же охотник. Сможет взять след этого звездочёта? Они вместе служили, запах знакомый.

— Можно попробовать, — соглашается Намма, — если зверь опять не заснул.

— А ежели заснул или спешно отбыл в родные места, — говорит барышня, — то получится: календарщики всё-таки что-то прячут. Господина Симэ или его бумаги.

Госпожа молвит:

— Удивительно стоек твой младший советник. Да и слуга ему под стать. Урасака у них был, рассказывает: никто бы по виду их не сказал, что у них полдома сгорело.

— Счастливое это свойство, — отзывается барышня, — когда не замечаешь ничего, кроме самого для тебя главного. Служба! А остального вроде как и нет вовсе. Только вот — каково же с господином Хокумой его

соседям? Жене каково было бы, кабы его женили?

Намма и сам уже думал в эти дни: отчего ему в голову не приходило посватать дочку за любимого подчинённого? По Хокуме понятно: он пока о браке не задумывается. Хоть и пора бы. Девочка, если бы её всерьёз он пленил, уже сказала бы. Бывает и так: подходят друг другу люди, но — не нравятся.

Впрочем, поселись у нас Хокума вместо молодого Асано — дома бы уже точно не было. Было бы ночное отделение Полотняного приказа. И что бы делала жена Наммы? Нет, всё-таки в жизни нужно какое-то разнообразие.

Средний советник подымается, чтобы идти спать. Рю спрашивает:

— А с женихом-то как? Через трубку поить — он, поди, захлебнётся.

— Не надо через трубку, — деловито отвечает госпожа, — можно ваты намочить и подержать возле губ. Да и лицо обтереть. Утром попробуем.

Даже в покое у супруги среднему советнику не удаётся отвлечься от дела. Всюду разложены бумажные цветочные шары — как на дереве, как во рву... Хотя, если подумать, их должно было куда больше накопиться за эти месяцы.

— Послушай, а вот это твое рукоделие... Оно куда потом идёт? Вроде же ещё были?

— Часть у меня дома. Распорядиться, чтоб сюда вернули?

— Да нет, не надо. Это вообще что за цветы?

— Называются драконьими, а почему — сама не знаю. Сейчас в большом ходу такие — кто только их не складывает...

Да уж, думает Намма, глядя на клочок бумаги в пальцах супруги. Кто только не складывает. Даже ведущие наставники Календарного ведомства...

Сведущие друзья

Даже зимою в Столице снег недолговечен — миг, и растает. Пока этого не случилось, два господина, хозяин и гость, медленно прохаживаются по вечернему саду. Любуются инеем под звёздами на черных ветвях. Искры над искрами... Сад устроен по заморскому обычаю: чтобы гулять, а не просто смотреть из дома. Сосенки и плодовые кусты посажены по науке, с учётом мировых первоначал и пяти направлений.

— И зачем тебе это понадобилось? — в голосе хозяина слышно не раздражение, но недоумение. — Себе убыток, другим хлопоты, а проку? Не вижу проку.

— Не могу уразуметь, о чём толкует господин ведущий наставник, — откликается гость. Учтиво, но отнюдь не виновато.

— Ведущий наставник толкует о своём подчинённом. Внезапно пропавшем из хорошо тебе известного дома. При обстоятельствах... несколько необычных. Полагаю, к этим обстоятельствам мой юный гость причастен, не так ли?

Гость не так уж и юн, но и впрямь заметно моложе хозяина. Он улыбается. Почтительно склоняет голову:

— Восхищаюсь проницательностью господина.

— Увы, любая проницательность имеет свои пределы, — брюзгливо отвечает старший. — Не соблаговолишь ли объяснить впросте, что всё это означает?

— Попробую. Молодой учёный кругом запутался. С одной стороны — выгодная женитьба, но властный и вздорный тесть. С другой — служба, с которой он едва справляется. Или думает, будто плохо справляется, даже трудясь дни и ночи. Грозный начальник... Боюсь, в окружении своём учёный не нашел сведущего друга, от кого услышал бы: стараться поздно, страшиться тщетно.

— Услышать может только тот, кто слушает. Хотя что-то, кроме голоса собственного рвения. То есть по-твоему получается — побег? Без средств, которые все у тестя. Без возлюбленной. Но с тайными грамотами,

которые, однако же, не проданы любопытствующим, но немедленно выброшены в снег?

— Скорее уж в огонь. Бежал он, надо сказать, и вправду опрометью. Оставив гореть свою женщину, не взявши ни теплых вещей, ни припасов на дорогу. Так что действительно далеко бы не ушёл. Мы решили ему помочь. А заодно использовать его выходку на пользу общине.

— Понимаю. Любопытная новость для общины. И какую же пользу, осмелюсь спросить, мы в том видим? По крайней мере, один из общинников — в недоумении. Настоятельно просил бы оное рассеять, — с некоторой досадой говорит хозяин. — Как сведущего друга.

— С радостью. Мы, понимаешь ли, вымогаем серебро. За голову бедняги Симэ.

— Любопытно. И у кого мы вымогаем выкуп? Для тестя беглец, боюсь, стоит недорого. А Календарное ведомство, увы, не имеет средств на подобные расходы. Да и нужды в них. У нас, знаешь ли, незаменимых нет.

Гость тяжело вздыхает:

— Ты же понимаешь: суть не в выкупе, а в вымогательстве. В пожарах, а не в опустошении такого-то ценного участка в городской черте. В землетрясении, а не в стольких-то домах, подлежащих отстройке.

— Ты хочешь сказать, землетрясение — тоже наша работа?

— Наша. А по-твоему, из наших современников есть кто-то непричастный?

Несколько шагов старший собеседник не произносит ни слова. Поворачивает у конца тропы обратно. Медленно заговаривает:

— Нет, конечно. Только вот тут мы расходимся. Я знаю: для этой... причастности вовсе не нужно дёргаться. Не нужно что-то делать сверх обычного. Или пренебрегать чем-то кроме того, чем все и так пренебрегают. Наше время не требует рвения. Даже к гибели рваться бессмысленно. Никуда она от нас не

уйдёт.

Поджимает губы, бросает косой взгляд на спутника:

— Ты говорил о пронизательности... Что тут было гадать-то? Вы же с Симэ очень похожи. Только один — глупец и нытик, а другой... ну, сам знаешь. Нету в тебе одной вещи, без которой трудно жить в последние времена. Не веры, нет, а доверия. Доверия обещанному.

Гость молчит. Хозяин продолжает:

— Времена сменяются, когда должно. Пока сроки не придут, любые разрушительные усилия... восполняются столь же бессмысленными трудами тех, кто надеется всё сохранить. Или даже исправить. С одним таким мне в недавние дни доводится то и дело объясняться. То о Симэ, то об оборотне... Ты помнишь, как был брошен город в Хираоке? Любителей устраивать божьи знамения в нашей державе хватало всегда. И никогда у них ничего толком не получалось.

Младший останавливается. Кланяется:

— Благодарю сведущего друга за наставления. Но есть различие между подстроеным гневом богов — и деяниями людей. Что значит «доверять»? По мне, доверять подвижнику Мироку — это знать, что он придёт. Придёт, когда нынешний мир рухнет от человеческих грехов. Обещанное — не свершится иначе как нашими руками. То есть от меня зависит, как долго продлится последний век. Сколько ещё промучаются мои современники.

— Добивать из милосердия?

— Нет. Просветлённый сострадателен и в этом. Назвал нам способы, как грешить без убийства.

Старший качает головою:

— Ты — как тот огородник у мудреца Моси. Дёргаешь ростки, чтобы скорее росли. Хуже того: не ростки, а почки на драконьем дереве.

Драконье дерево

Барышня Намма, девица на выданье

Молодой господин Асано, её жених

Оставили меня опять наедине с любимым. Ему ничего не надо, за ним никто не идёт, я решила: буду спать.

Просыпаюсь среди ночи. Жаровня чуть светит углями. Тихо. Совсем тихо. Раньше я хоть слышала, как молодой господин дышит. Теперь, кажется, уже нет.

Умер, а всё сидит?

Холодно сейчас. Застыл, наверное, прямо так, оттого и не падает.

И что? Оставить до утра, как есть?

Позвать батюшку?

Или кормилицу?

Нет, я сначала проверю всё-таки. Чтобы знать, зачем звать. Вдруг его ещё в чувство привести можно?

Подношу ладонь ему к носу. Нет, не дышит! Я сама сразу замерзла, как из постели вылезла. Не пойму: окоченел? Или ещё нет?

Нельзя трогать мертвого, скверна. А как понять иначе? Ладно, всё равно уже всем очищаться придётся и дом очищать. Толкну его в шею.

— Не бойся. Всё хорошо.

Я как стояла, так и села.

Это он говорит? Не говорит, а каркает. Как он с таким голосом в монахи собирался, моления читать?

Глаза открыл. Не умер, значит? Или умер, да не совсем? Понимала бы я что в призраках...

Расцепил руки, оперся о колени. Дышит хрипло, глубоко.

— Тебе пить можно? — спрашиваю. — Не брагу, а так?

— Хорошо бы.

Зачерпнула воды из кадки, держу ему ковшик.

Медленно, но выпил всё. Значит, не призрак — те воды не пьют, только кровь или душу сосут.

— Спасибо.

И ради этого «спасибо» мы третьи сутки на головах ходим? Всем семейством?

Набрала воздуха побольше, глаза закрыла и начала было. В матушкином духе, по порядку, всё, что тут хочется высказать. А потом останавливаюсь: если он чего ответит, я ж его за собственным голосом не услышу. А он и впрямь говорит:

— Передай отцу: подвижника Мироку почитают как грядущего будду. Когда разрушится наш мир и возникнет новый — Мироку сядет под драконьим деревом и будет учить Закону. Как Просветленный нашего века сидел под смоковницей. У них у каждого своё древо.

— А что это за дерево — «драконье»?

— Не знаю. Наверное, в нашем веке оно не растёт пока. Дальше: Мироку и разговоры про последние времена связаны напрямую. «Всё, нынешнюю жизнь уже не исправить, так возродимся же в будущий век и станем слушать нового Просветленного.» Так эти общины учат.

— Ага, — соображаю. — «Новый век», поэтому и календарь?

Он пересаживается по-мирскому. Морщится: ноги-то затекли.

— Может быть. Эти общинники, «сведущие друзья», от новичков много требуют. Дом у тебя в Столице — предоставь покои для собраний. Повозку для паломников, коней гонцам, в общем, кто что может. Всё — вклад в будущее счастье.

— А что, уже точно известно, какого числа оно начнётся?

Качает головой:

— Мы заметим. Сначала ведь будет распадаться нынешний мир. Настанут великие бедствия, и первое — смещение светил. Вот зачем может быть полезен

звездочёт. Проследить, что там на небе уже неладно. А потом — пожары, наводнения, ураганы, засухи, мятежники с окраин, враги в самом государевом дворце, разбойники и прочие безобразия.

Не похоже, что он своё учение излагает. Преданности не слышно. Хотя — кто знает, как их учат рассказывать? Особенно — мирянкам.

Можно проверить:

— Так ты к этим «сведущим друзьям» убежать хотел?

Кривится:

— Что ты! Нет, конечно. У них главных мыслей две: «здесь терять нечего» и «погодим до нового века»... Под такую проповедь из людей можно много вытянуть. Они разное добро в землю зарывают: книги, утварь и просто серебро. Надеются в будущем откопать... И подбить людей так можно на многое, раз нечего терять-то...

— Так я же не знаю, — говорю. — Может, ты не примкнуть к ним хотел, а выследить и изобличить...

— Этого я не умею, — отвечает.

Молодого господина спрашивают про одно, а он отвечает про другое. И с батюшкой моим он так собирается разговаривать? Занятно будет послушать, как им Полотняный следователь будет вертеть.

— Ну, хорошо: их толк тебе не нравится. А который тогда?

Вдохнул еще раз глубоко, выдохнул.

— Просветлённый многому учил. На разные случаи — по-разному. Молитвы о Чистой земле — для предсмертного часа. О будущем веке — для поры, когда всё из рук валится и ближние особенно удручают. Последние, дескать, времена, что с них возьмёшь... Путей много. Выбирать себе один раз и навсегда — так же глупо, как ежели бы жрец пристрастился к одному обряду. Допустим, к новогоднему. И весь год его творил бы: и весной, и летом, и осенью...

Ясно тогда, почему у монахов «Закон». Как и в мирском законе. Мало ли что человек натворил:

которую статью ты применишь, такое и преступление получится. Но это у судей, не у сыщиков.

— Так почему — я? — говорю. — Сам и скажи. Батюшка же всё равно переспрашивать будет, уточнять. А что я ему отвечу?

Бровь молодого господина дёрнулась было вверх. Потом лицо опять застыло.

Замолчал. И на сколько дней — на этот раз?

Нет. Выговорил:

— Могу и сам.

Холодно, хотя жаровня и греет. Залезть бы обратно под теплое покрывало. Или это неприлично? Не скажу же я кавалеру: иди сюда тоже... Ладно: останусь сидеть, но в покрывало завернусь.

— Ты спи, не бойся, — говорит он. — Со мной — никаких чудес.

И непонятно, жалеет он об этом или нет.

Но вон как важно звучит: «Пока ты со мной, никаких чудес не будет, это я тебе обещаю — потомок жреческого рода...»

— Воды ещё хочешь? Или поесть? — спрашиваю.

— Воды — пожалуй. Да я вижу вроде бы, где она. С едой погодим до утра.

Осваивается потихоньку. Пересел ближе к жаровне. Сейчас, при мерцании углей, он и с лица выглядит получше. Только бы волосы — или уж сбрить, или отрастить.

Ничего. Когда Рю сюда привезли в дом, она тоже долго привыкала.

— А что это было с тобой? — спрашиваю, — Молитва такая?

— Нет. Это чтобы успокоиться. Не обращай внимания: так долго сидеть можно.

Легко сказать! Но ладно, попробую.

— Выкрадывать меня никто не будет, — обещает молодой господин.

— Даже твой наставник?

Усмехается невесело:

— Он-то уж точно.

— А если бы сам Просветлённый за тобой пришел, со своими подручными? Тогда, правда, мы бы всё равно не устерегли...

Он смотрит: открыто, в глаза, но не страшно:

— Вот именно.

— Но, допустим, есть ты собираешься утром. — Надо же рано или поздно об этом спросить. — А спать когда?

— Да можно прямо сейчас.

— Тогда ещё вопрос: где?

— Да какая разница...

И уснул. Прямо возле жаровни, дугою на полу.

А ведь матушка расспрашивать будет...

Неловко получилось

Намма, средний советник Полотняного приказа

Барышня Намма, его дочь

Молодой господин Асано, её муж

*Юкихара, ведущий наставник Календарного
ведомства*

Чиновники всех разрядов

Мусорщики

С утра весь дом ликует: гость из старшей ветви рода пришёл в себя и даже кушать соизволил! И добавки просить, на радость хозяйкам и стряпухам. И говорить с набитым ртом, совсем как живой. Не о любви, конечно, но о служебных делах господина Наммы, как тут принято.

Средний советник выслушивает со всем вниманием. Достает из рукава бумажный цветок:

— Вот такие и растут на драконьем дереве?

— Будут расти, — уточняет молодой господин. — Считается, что такие. Вообще-то они вместо чётков. Сложить из листка такой цветок — шестнадцать перегибов, как раз хватает прочесть молитву: «Слава, слава подвижнику Мироку, нынче на небе, завтра на

земле».

Едва ли жена Наммы так приговаривает, пока возится с цветами. Но это уже не касается молодого Асано.

— Ты говорил о бедствиях последнего века. Нарушенный ход времен года, смещение светил, беды от огня, воды, ветра и жара, нашествие извне, измена внутри страны, разбой духов... Как насчёт людского разбоя и вообще преступлений уголовных, а не державных? К примеру, похищения людей ради выкупа?

— Это и есть «разбой в отношении духа». Когда не вещи и не скот крадут, а живых людей — такие же люди. И ценен не просто человек, как невольник, скажем, а именно такой-то дух в его теле.

— Известно ли, кто возглавляет «сведущих друзей» здесь, в Столице?

— Я думаю, у них и нет никакого главы. Возглавит их Мироку, когда явится. А кто будет к нему ближе, кого он назначит старшим, — это они заранее не решают.

Пока всё очень удачно сходится на «сведущих друзьях». Даже дурацкий выкуп: если сокровища следует, по их вере, захоранивать до будущего века, то дворцовый ров вполне подходит, и передачу серебра в чьи-то руки можно попросту исключить...

Полагаться на всё это не стоит, а проверить надо.

— И что сегодня? — спрашивает дочка.

Понимай как хочешь: «Что мне сегодня делать?» Или — «Что ты собираешься предпринять?» Средний советник предпочитает ответить на второй вопрос:

— Схожу в Приказ, узнаю, не выяснилось ли что по этому делу и нет ли чего нового по другим. Напишу в Календарное ведомство: если там пойдут на сотрудничество, будем пытаться взять след. Я среди дня зайду домой: пусть Урасака, Таро и Рю будут наготове.

— Давненько я не была на охоте! — мечтательно молвит Рю. — Такой, чтоб со зверем.

По молодому господину не поймёшь, противно ли

ему про охоту слушать. Барышня вздыхает: и хотелось бы увязаться с остальными, да нельзя. Муж! Теперь уже точно — муж, раз не просто обнаружен, но и сам это признал. Зато и братца батюшка не берёт, так что есть на свете справедливость.

Выйдя со своей улицы на главную площадь, средний советник уже от поворота видит: на севере что-то неладно. Слишком много народа толпится у главных дворцовых ворот.

Зеваки в Столице собираются мгновенно, если чей-то возок опрокинется, слуги подерутся или еще какая неприятность случится. Но эти люди не похожи на празднующихся. Скорее, на зрителей при важном государственном обряде. Чиновники в должностной одежде, вооружённые дворцовые стражники, служилые дамы в носилках. Монахи — куда же без них. Все стоят на холодном ветру и смотрят на север.

А там, у самого моста через ров, поперёк входа — распряжённая телега. На ней на циновках сидят мусорщики, человек восемь. И еще около десятка стоит рядом. Какая падаль спрятана под циновками, не хочется и думать.

Пройти мимо них на мост — значит оскверниться. Разгонять их — тем худшая скверна, оттого никто и не подступает. И из дворца тоже не выйти. Осада! И время для неё выбрали как раз то, когда утром приказный люд идёт по своим палатам — а те, кто нёс службу ночью, возвращаются по домам.

В переднем ряду толпы Намма видит наставника Юкихару. Тот без одобрения, но и без гнева взирает на мусорщиков.

Сыскной советник подходит, кланяется. Осведомляется:

— Что тут происходит?

— Божьи люди Морового святилища заявили, что им обидно, — объясняет календарщик. — Кто-то их в вымогательстве заподозрил. Что они тела убитых

прячут и за серебро продают. Что прячут — не страшно, это им от века положено, а что в корыстолюбии их обвинили — зазорно им. Вот и встали на виду. Смотрите, кто хочет: вот они, никем не торгуют.

И не поймёшь по ведущему наставнику, подозревает он Полотняный приказ в причастности к безобразию — или всё-таки нет? Намма вздыхает:

— Ну что ж, пойдёмте другим путём. Если не все ворота перекрыты...

— Едва ли все, — подключается пожилой, деловитый чиновник из распорядителей дворцовой поварни. — Столько мусорщиков даже в Столице не наберется!

Гуськом идут в обход всего дворца, дальше к северу. Там есть калитка, через неё носят съестные припасы и дрова. По счастью, этот проход загорожен возками Государевых поставщиков, смутьяны близко подъехать не сумели.

Подобрав рукава и полы, служилые господа пробираются между повозками, волами и возчиками. По дороге Намма спрашивает у наставника:

— А ваш барабанщик — во дворце? Ночную службу нёс?

— Если бы! — хмурится Юкихара. — У него теперь, видишь ли, бессонница. Хоть взыскание налагай!

Средний советник сочувственно кивает и осторожно начинает:

— Среди моей челяди кое-кто разбирается в повадках диких зверей. Если господин ведущий наставник пожелает, мы могли бы потолковать с его подчинённым. Может, пёс и успокоится...

— Это теперь так на допрос вызывают? — любопытствует Юкихара. — Да что уж там, забирайте его. Только верните в целости, — и сворачивает к своей башенке.

Подходя к Полотняному приказу, Намма замечает: от внутренних ворот к главным шествуют два старца. В белых облачениях — высшие чины Обрядовой палаты!

На полшага впереди — высокий, грузный господин Ёдзи, старший в Полынном доме. Со священным луком и колчаном стрел — для разгона всяческой нечисти. За ним — маленький, неторопливый господин Асано.

Глава Конопляного дома сам, вдвоём с давним другом, идёт увещевать обиженных. Ведь если в Столице бросили бы службу все восемь палат и прочие ведомства — это было бы безобразно, но не ужасно. Если бы вдруг затворились по домам все придворные дамы, было бы крайне неприятно, но тоже переносимо. Если же бросят работу городские сборщики падали — в пору Государю учреждать новую Столицу, поскольку в этой станет жить нельзя.

Пронзительные глаза господина Асано обращены не на младшего родича. Но Намме всё равно очень не по себе. Ведь тут его вина. Взбунтовал мусорщиков своим давешним запросом. До чего неудобно!

Намма поспешно поднимается на внутреннее крылечко Полотняного приказа. В помещении навстречу ему встает младший советник Хокума. То ли ночевал на службе, то ли успел до всякой осады. Ждёт распоряжений.

Предопределено

Барышня Намма

Молодой господин Асано, её супруг

Теперь, конечно, все хотят поговорить с молодым господином. Раз он не жених уже, а прямо-таки муж. То есть зять. В общем, член семьи.

Он отвечает немногословно, но значительно. С видом: осторожно, а то сейчас опять замру.

И ведь поняли! Даже матушка и братец.

Господин Гээн тоже, конечно, нас посетил. Пытался извиниться: все мы тут, кажется, наболтали лишнего, погорячились... А молодой господин ему: боюсь, я прослушал.

Иные, когда им что-то не по нраву, требуют: чтоб я

больше такого не слышал! Этот и слышать не собирается. И подначками его не проймешь. Вовсе глух ко всему нежелательному. Матушка озадачилась, но обещала к завтраму мне подготовить ценные советы, что с таким делать.

А когда все ушли, со мной он всё-таки объяснился. Начал издалека:

— Есть такие рассказы о достойных монахах: как подвижника окружили со всех сторон нежною заботой, а ему оттого всё мирское ещё горше опротивело. Потом над ним стали всяко глумиться демоны, но он и тут не захотел обратно в мир. В итоге выясняется: всё это были одни наваждения.

Вообще-то когда у тебя над головой Урасака машет саблей, сверху книжки падают, за переборкой братец читает нравоучения, а перед носом женщины без стеснения обсуждают, каким духом ты одержим, и всё это под крик Обезьяны — я бы тоже не поверила, что это взаправду.

А он продолжает:

— Я, пока тут сидел, понял одну вещь. Что сам я для тебя и для всех ваших — такой же демон-испытатель, как и вы для меня. Твои ближние... Скажи: тут всякий раз — так остро всё переживают?

— Нет. Когда всё в порядке, у нас спокойно.

Врёшь ведь! — косится на меня супруг. Я строю рожу: поживёшь, мол, тут — убедишься.

— Просто мы привыкли всё делать вместе.

Кивает:

— Это правильно. Пусть хлопотно, но правильно. «Сведущие друзья» правы в одном: никакого рая не может быть в одиночку. Как и ада, собственно. Остаётся закреплять связи между собой. Раз не рвутся — то закреплять. На будущее.

Это он любезность изволил сказать — или наоборот?

— А зачем тебе вообще в монахи идти?

— Как я теперь вижу, незачем.

Барышня Намма сделала свое дело, думаю. Отвратила родича от монастыря. Не красотой, конечно, а одним только дочерним благонаравием. Понял молодой господин: вот скроется он в храме, а бывшая невеста к нему туда в гости прибудет со всем семейством...

— А раньше? Ты от кого бежал? От родителей, от деда, от службы?

— Отец у меня наместничает далеко на западе. Мать умерла. От деда не убежишь, пока в другой семье не переродишься.

Он перебирает неторопливо:

— Служба... Я там был за пять лет общим счётом дней десять. Да ведь у монахов — тоже служба.

— Учить людей Закону? А как, если он для каждого разный? Или всё-таки что-то главное есть, что ко всем относится?

— Толково ты спрашиваешь. Попробую ответить. Вот, был какой-то человек. Или демон, или зверь. Накопил себе столько-то заслуг и вины, и воздалось ему: родился младшим внуком в доме Асано. Что со мной происходит — всё его работа. Но благодарить или хулить его мне нету смысла: он уже всё сделал. А от моих дел ещё зависит, кто из меня получится потом — когда я опять перерожусь. И перед ним, перед этим следующим, я по-настоящему отвечаю. В общем, сам себе старший и сам же себе младший. Для меня это главное в монашеском Законе. Но ты права: чтобы так жить, монастырь не обязателен.

Я ему ничего такого не говорила. Просто он вместо вопросов слышит ответы. Трудный подследственный был бы.

— Не понимаю, — говорю, — Всё равно: зачем тебе связи заводить, если важно только, кем ты сам был и кем ты потом будешь? Если сегодняшние дела вообще от тебя не зависят?

— Дела зависят от меня. Условия для дел мне заданы. Только заданы — не нынешней роднёй и не начальством, не страной и не веком: это всё условия и

есть. А причины того, что условия так сложились, — во «мне» прежнем, и в «тебе», кем ты раньше была, и в остальных... «Наша встреча predetermined в прошлой жизни», как пишут в повестях.

Читала бы я эти повести... Только всё равно не пойму: «меня сюда заслал мой прежний я» — это утешительнее, чем «дед мне велел жениться»?

— Выходит, и прежний «ты» не виноват: ему всю жизнь обустроил «ты» позапрошлый... И так — вплоть до самого первого, кем ты родился?

— А не было первого. Это же не род с прадедом, а круговорот: без начала и без конца. Но от нынешних дел зависит, с кем из близких мне и дальше жить, в будущем рождении. С кем бы хотелось — с теми можно сблизиться. А с кем нет — попробовать разойтись уже сейчас.

Жутко как-то. Как если рассчитать, что твоему ребенку понадобится в жизни, и всё заранее приготовить, зная, что точно помрешь родами. Но в чем-то так и легче: выбирать такие дела, чьи плоды заведомо не увидишь. Чтоб не огорчаться: стараюсь, мол, а пользы нету.

— А это у тебя такая должность в Палате, что там только два раза в год есть чем заняться? — спрашиваю я.

— По сути мне там вообще делать нечего. Мне жрецом не служить: на то старшие братья есть. Писарскую работу младшие родичи ведут, их без места оставить — хуже, чем меня без занятия. Бывало, перед большими обрядами я деду помогал готовиться. Но это редко требуется.

Как же ему скучно должно быть! От такого «сегодня» на любое вчера и завтра заглядишься.

— Непривычно, — молвит, — как у вас тут все друг к дружке бегают по любому делу. Хоть казённому, хоть домашнему. У Асано же и дома всё, как в Палате. «Не нарушить чистоты, для обряда надобной.»

А он, наверно, и из Столицы ни разу не выезжал!

— Но у нас в доме тоже — служба. Все или служат, или учатся, или помогают служить, — говорю. — А ты как будешь? Я в обрядах-то мало понимаю.

— Как — это не я решаю. Но в Обрядовой палате дед меня, я думаю, не оставит. Уволит, скорее всего. Или отправит в долгосрочный отпуск.

Это называется «не я решаю». Кто дедушку-то вынудил?

Проверю-ка я ещё вот что:

— А в последний раз ты на службе давно был?

Молодой господин как-то странно кхекает:

— Десять дней тому назад. Накануне обряда Первой браги.

— После этого и пришлось в бега пускаться?

— В общем, да, — кивает. — Понимаешь ли, мы с главою Обрядовой палаты отчасти разошлись в толковании этого праздника. Насчёт того, когда его подобает справлять. В календаре написано одно, а по «Уложению об Облачном обряде» выходит иначе.

— Получается... Так ты сбежал или тебя из дому выгнали?

— И то и другое.

Ему, стало быть, не только храмовый Закон дорог, жреческий тоже. И повести он почитывал. «Ранняя учёность»... Наверное, с братцем моим супруг поладит. И с тещей найдет о чём перемолвиться. Разругаться с главою дома из-за книг — это, может, и по-грамотейски. Да только как же теперь со службой быть?

Так прямо и спросила.

— Есть человек, — задумчиво отвечает он, — при ком я бы хотел служить. И мог бы, я думаю. Вот к этой службе я и готовлюсь. Когда она начнётся, зависит опять же не от меня. А пока мне нужно дочитать те монашеские книги, какие у меня есть. И еще некоторые раздобыть. Обойти храмы. Если ты не шутишь насчет паломничества — давай сходим вместе, как потеплеет. Посмотрим, кого из наставников можно будет потом позвать к моему господину, в Облачную рощу.

Вот, значит, как. Молельня Облачной рощи — это храм, где пребывают Государи после отречения, когда принимают монашество.

«Человек»?

— Так это ты — про Властителя Земель?

— Да.

Государь — твой двоюродный брат. Тоже внук Конопляного господина, только по дочери, а не по сыну. Любопытно: а он-то знает про твои замыслы?

— Был потомок Великого Властителя, наследник, — говорит мне супруг. — Унаследовал державу как живой бог, Властитель Земель. А потом он станет ещё и человеком. В том же самом теле, при нынешней своей жизни. Это великая задача. И очень трудная.

Ясно теперь, кого ты любишь, молодой господин. Хорошо, что хоть кого-то на свете.

— Ты спрашивала, что со мной было. Это не сосредоточение, а наоборот. Жрецу нужно сосредоточиться, чтобы встретить бога, принять его в себя. А тут надо — не замечать божество в ком-то из людей. Даже если в нём всё это чудесное очень сильно. И будет сильно — долго ещё после отречения. Чтобы иметь дело с человеком как с человеком. И знаешь, такой подход не только для Облачной рощи годится.

Подробнее я расспрашивать не стану. Чтобы какой крамолы не вышло. Только этого батюшке не хватало! Ведь муж-то мой уже сейчас о Государе говорит, будто о человеке. А разве так можно?

Приманка

Намма, средний советник Полотняного приказа

Хокума, младший советник того же приказа, его подчинённый

Господин Асано, глава Палаты Обряда

Господин Ёдзи, жрец той же палаты, его приятель

Писарей пока за столами нет. Видно, в обход через дворцовый хозяйственный двор не пошли, а слушают

как глава Палаты Обрядов разбирается с мусорщиками.

Доклад Хокумы готов. И еще младший советник может предъявить сводку объяснений, данных вчера приказными. Едва ли кто-то из них виноват: скорее всего, на стол к Хокуме вывалили из короба те доносы, что принимают у ворот. И записка была среди них. Сами доносы понемногу разобрали, а тот листок остался.

Намма слушает немного рассеянно. И прерывает:

— Тут вот какое выстраивается соображение. Насчет подвижника Мироку...

Хокума слушает внимательно, спокойно кивает. Замечает, что начальник горячится — а это с Наммой вообще-то нечасто случается.

— Что ж, очень складно получается...

— Слишком уж складно, родич! Едва упомяну про похищение за выкуп, как сразу мне толкуют: душегубство и душекрадство — это, мол, и есть разбой духов... В голову бы не пришло!

— Так ведь ещё и наоборот, — замечает младший советник. — Разбойники эти, похитители — в них ведь тоже в каждом свой дух. Не в том смысле, что они одержимые, а в том, что живые, одушевлённые. Бедствия в стране «смятением духов» называются. А когда человек посягает на человека из корыстного расчёта — этого на смятение не спишешь, это самый настоящий разбой. Всё сходится.

— Гладко, как в книге! Да существуют ли эти «сведущие друзья» где-нибудь кроме как на бумаге? Тут, сейчас, в нашей Столице, а не на далёком западе в какие-то там незапамятные времена? — Намма взмахивает рукавом. — Мой сын с приятелями сплетничает про материковых древних мудрецов, словно про соседей. Но это — юношеское, школярское. Мне же всё больше кажется, будто я в ту же дурость впал. Выслеживаю вора Сэки или ещё кого-то из старой книги.

— Почему бы им и не существовать тут, у нас? — задумчиво рассуждает младший советник. — Раз и

наводнения, и пожары, и землетрясения вполне наблюдаются. А теперь ещё и смещение светил всплыло. Люди тревожатся, боятся: что-то дальше будет? Куда легче загибать пальцы на каждое бедствие и говорить себе: так, это уже позади, скоро придет Мироку и всё станет хорошо. «Легче» — не в смысле «проще», но хотя бы — не так тяжело и страшно.

Средний советник садится к столу, некоторое время бессмысленно перебирает бумаги. Потом глухо произносит:

— Опять сходится. Но если есть учение — должен быть какой-то главарь, наставник? А мне толкуют — нет такого!

— Как раз если бы объявился какой-то глава — всё это учение, думается мне, зашаталось бы. Или, чему тоже есть материковые примеры, — если бы сыскался помешанный и назвался самим Мироку, сошедшим с неба.

— Только этого не хватало! — охает Намма.

— Если есть глава и учитель, — настойчиво продолжает младший советник Хокума, — то ему и положено знать в точности, каким он будет, это новый век, новый мир. А все остальные должны ему верить. Но ведь, думается мне, в том и сила этого толка, что счастливый будущий мир каждый себе по-своему представляет. Кому что ближе. Простолюдинам — мир без грозных господ да с тройными урожаями. Мастерам своего дела — мир, где их дело ценят, не мешают им заниматься и не заставляют заниматься чем-то ещё. И так далее, до самого верха.

Намма поднимает на своего подчинённого глаза. Мастерам своего дела... А ведь это Хокума о себе говорит — лучшем сыщике Приказа, над которым смеются за то, что ему больше ничего не надо. И впрямь — лучшем: кто поплоче, не смог бы так примерить на свои плечи голову изувера.

— Ладно, — встаёт средний советник. — Будем искать. Какую бы для них приманку подобрать?

Хокума какое-то время смотрит на начальника, словно в себя приходит. Кланяется:

— Смею предложить — ту, о которой они пишут. То есть бросить в ров свёрток или сундук какой — не с серебром, конечно, но увесистый. И присмотреться, кто его вылавливать начнёт.

— Ещё больше разозлить людей с Восточных холмов? — сомневается Намма.

— Или напротив: дать им возможность поймать злодея, который за выкупом явится. Они его схватят и всем покажут: это — не наш!

— А пожалуй, — неожиданно улыбается средний советник. — Ну-ка, родич... Где-то тут у нас лежали списанные тушечницы...

В Столице пасмурно, чувствуется близкая оттепель. Двое чиновников Полотняного приказа прогуливаются по верху дворцовой стены в юго-восточной ее части. Тот, который помоложе, имеет при себе небольшой, но тяжёлый мешок. Словно бы невзначай взмахивает им — и роняет в ров. В мешке что-то гремит на лету. Чиновник постарше в зеленом платье укоризненно качает головою:

— Как ты неуклюж!

Никто, кажется, не слышал ни всплеска воды, ни этих слов. В городе по ту сторону рва зевак не видно. Внутри стен здесь — редко посещаемый двор Военной палаты.

Только глава Палаты Обрядов, господин Асано, с любопытством глядит снизу на своих младших родичей.

Исключительно глупо склоняться в земном поклоне, находясь на высоте двух шестов от приветствуемой особы. Но иначе нельзя.

Конопляного господина, однако, уже отвлекли. Он прислушивается к шуму внутри здания. Вскоре из боковой двери во двор выходит господин Полынный, красный от гнева.

— Эти плясуны, трубачи, как их там... Словом, эти

скоты отбыли по месту прежней службы, на границу. Прихватили из Конюшенного приказа сорок казенных лошадей!

— И что теперь? — мягко осведомляется старик Асано.

— Что — «что»? — старик Ёдзи старается говорить тише, но не может. — Погоня послана. Из столичного войска. Дворцовые караулы ополовинены.

О чём говорить?

Госпожа Намма

Молодые разговаривают. Самое трудное — не подслушивать и не пробовать вмешаться. Не поправлять, что не о том они беседуют.

В книгах всё сказано, как надо. И счастливая любовь, и несчастная — разобраны со всех сторон. Для любого чувства есть образец. И для песен. Но в жизни песни никогда так кстати не приходятся, как в повестях. Жаль...

Госпожа из квасильной лавочки на самом деле и не знает, как тут лучше было бы. Девицей она для себя много раз сочиняла, каким должен быть первый разговор с возлюбленным, — но на деле всё вышло совсем не так.

Она вообще-то готовилась к безответной любви. Невозможно было не влюбиться, когда брат всякий раз толковал о друге своём, о Намме — самом лучшем во всей Столице. А если подглядеть, когда тот к брату в гости приходил, — и правда, ничуть не хуже, чем по рассказам. Только вот господин Намма тогда был уже женат. Так и должно быть в грустной повести: женат и верен супруге...

Потом брата отправили послом к заморскому государю. На много лет или навсегда. И он перед отъездом попросил друга позаботиться о доме, о людях и о сестре. Положился на Намму — а не на своих

старших родичей из Полынного дома.

Её жизнь, как она бы ждала, если бы читала это в книге, — должна была растаять, инеем на траве, еще раньше, чем господин советник догадался бы о её чувстве. Он приходил справляться, не нужно ли чего. Видно было: он старается, но хозяйственные заботы ему не привычны. Оставался поговорить — стоя в саду перед помостом дома, или заходил на помост, а она отвечала из покоя.

— Всё хорошо? — с тревогой спросил однажды.

Она не могла скрыть, что плакала:

— Да, заботами господина советника. Только вот — барышня Плющ умерла...

Изысканный кавалер сокрушился бы над непрочностью земной красоты. Как и в песенке поётся: *До чего ж нам рассказывать жалко, как скончалась барышня Плющ...* Но Намма эту повесть не читал. Он — всполошился:

— А что с нею стряслось?

И с тех пор всегда так. Он слушает, если ему рассказывать книги, но задаёт вопросы — и всё делается ещё ужаснее.

Кавалер такой-то стал чахнуть от любви, с каждым днём слабеет...

— А кто его наследники, известно?

Дама всего на полдня пережила возлюбленного...

— А ужинали они в последний раз вместе?

Господину следователю это нужно. Мимо грустного пройдут, посетуют, вспомнят потом, может быть, — но ничего не сделают. А когда такой человек в грустном видит ещё и страшное, — он что-то предпримет.

Не привелось ей истаять. Господин, оказывается, с женою давно разъехался. А как стал меньше ездить по стране, предложил: перебирайся ко мне. Она испугалась и согласилась. Старшие родичи так и не возразили.

Усадьба тут стояла без хозяйки. Уже несколько

лет. Челядинки всё спорили между собой. Младшая старшей: отдохни, тебе же трудно, — а та ей: да брось, ты-то ещё наработаешься... Сейчас наладилось, все дело делают, никто не пререкается. Просто они привыкли при прежней госпоже, что им десять наказов дадут на каждый день, и все разные. А новая хозяйка говорит, чего хочет, а как это исполнить — не указывает. И всё тихо, пока гостей нет.

Молодые за переборкой обсуждают не песни, не повести, а старшую Конопляную родню. Да и не одну её, кажется... Нехорошо, но встрянешь — будет хуже. Скорее бы господин советник пришёл.

Следопыты

Господин Намма, средний советник Полотняного приказа

Урасака, его старший челядинец

Таро, сын Урасаки

Рю, воспитанница дома Намма

*Тануки, временный младший барабанщик
Календарного ведомства*

Узник

Квасильщики

Оборотня Тануки господин Намма вывел из дворца без помех. Моровая телега от ворот уже уехала, мусорщики вернулись к работе.

В доме Наммы тоже всё притихло. Урасака с сыном и Рю уже ждут.

— Только, — говорит девица, — дайте я с ним по-человечьи потолкую, пока он не обернулся.

«По-человечьи» — это значит, на её родном южном наречии. Тануки понимает, кивает и даже пытается отвечать. Юный Таро подозрительно прислушивается.

— Я попробую, — молвит, наконец, барабанщик Намме. — Может не выйти: след старый. Вещи вы взяли? Я вспомнить должен.

Средний советник изъял в Календарном ведомстве

веер господина Симэ. А у пожарных забрал его злополучное верхнее платье, в котором нашлись грамоты. Тануки распахивает рубаху, выпрастывает руки из рукавов, становится на четвереньки, — и принимает свое мохнатое обличье. Крупный, но не то чтобы чудовищного размера барсучий пёс, бурый с белым брюхом и полосатой мордой.

Обнюхивает вещи Симэ. Рю оглядывает его почти с умилением:

— Ручной!

Из дома слышится шушуканье. Госпожа Намма и барышня подглядывают за диковинкой. Молодой Асано не подаёт признаков своего присутствия. И хорошо: не хотелось бы объяснять ему, что делает здесь это знаменьё и почему его до сих пор не сдали в Обрядовую палату.

Средний советник дает отмашку челядинцам:

— Пойдёмте.

Впятером, считая пса, они покидают усадьбу.

Не каждый день Полотняный советник гуляет по городу с собакой. Пёс трусит впереди, время от времени останавливаясь и рыща вправо-влево. За ним следуют увлеченная Рю, сам господин Намма, Урасака с саблей и Таро с одежкой барабанщика в охапке. Не спеша, по всей Столице, то на запад, то на восток, под лай собак за каждым забором. Прошлись вокруг усадьбы старшего советника Ведомства Двора, тестя пропавшего звездочёта. Завернули на пожарище, очень тихое после отбытия воинства. Долго петляли по улицам. Наконец, Тануки насторожился, двинулся вперёд вполне уверенно.

— Взял след! — с гордостью заявляет Рю.

Рано радовались. На Восьмой улице, на восточной окраине, почти у самой реки, пёс заметался. Вернулся назад по собственному следу, сунулся обратно. Сел на землю, виновато поглядел на спутников. И начал чихать. Долго и безнадежно.

— Ну, тут бы любой сбился! – защищает его девица.
— Вонь-то какая!

Запах и впрямь сильный. И знакомый. Квашеные бобы.

Только сейчас Намма соображает, куда они пришли. Дом его давнего друга, отбывшего за море. Дом, где теперь смотрят за хозяйством челядинцы сестры этого друга, нынешней госпожи Наммы. А ведь средний советник как раз собирался их расспросить насчет бумажных шаров...

Квасильщики высыпали навстречу, кланяются. С опаской косятся на собаку. А пёс всё чихает. Прочихавшись, неуверенно заходит во двор. Покружил, остановился у дальнего сарая — и фыркнул. И полез в зазор между землей и полом.

— Мышей учуял, — понимающе кивает старший квасильщик.

В том сарае, как помнится господину Намме, мышам грызть нечего. Бобовая подлива там стоит уже почти готовая, жидкая, в бочках.

— Дайте-ка загляну, — говорит средний советник.

Квасильщики замаялись. Но потом их старшина отодвинул засов. В конце концов, Намма сейчас — главный мужчина из хозяйской родни.

Бочки стоят на своих местах. Над ними, под кровлей, протянуты верёвки. На верёвках, рядами и гроздьями, колышутся яркие цветочные шары. На дальней бочке — непонятный полотняный свёрток в локоть высотой и странных очертаний. И мычит. То ли свёрток, то ли что-то позади бочек.

— Огня! — распоряжается средний советник и заходит внутрь. Урасака шагает за ним. — Что это у вас тут за убранство?

— Цветы, господин!

— Я вижу, что не плоды. Почему здесь — и столько?

— Госпожа наvertsела! Да и сами мы... А здесь почему? Так люди сейчас — знаете, какие? Увидят, донесут. Мы от ворот городских далеко, а скажут —

«храм, нельзя!» Прикроют молельню-то. Вот мы всю утварь на складе и храним. И Подвижника тоже. — Старшина указывает на свёрток.

— Кого?

— Так Мироку же Грядущего, будь ему слава ныне на небе, а завтра на земле!

Таро от входа передаёт светильник, бережно, чтоб бумага не вспыхнула. Намма принимает его, медленно идет через сарай к тряпичному свёртку. Отворачивает ткань — потертую, но недешёвую. Из-под нее блестит край лаковой улыбки. А из-под ног у среднего советника доносится глухой стон. Намма наклоняется, безрадостно спрашивает:

— Господин Симэ, если не ошибаюсь?

Человек на полу ответить не может — рот у него заткнут. Лицо почти черное, а пальцы побелели — то ли от холода, то ли верёвки слишком тугие. Урасака опускается на корточки, начинает распутывать узлы. В Коноплянном доме верёвок без нужды не режут.

Намма глядит на них сверху вниз. Слышит за спиною какой-то шум, резко оборачивается. Там бьёт поклоны голый барабанщик:

— Приветствую господина младшего звездочёта!

— Я ж говорила, что он молодец! — с удовольствием заключает Рю.

Пленника оттащили в дом, напоили теплой водой, укутали потеплее. Взор у него блуждает, всего трясёт. Намма сидит напротив, Урасака приглядывает за квасильщиками, Таро сторожит у ворот. Девица Рю поздравляет смущённого оборотня.

— Давно ли господин находится на этом подворье?
— спрашивает следователь у Симэ.

— Н-не знаю. Два дня, три. Четыре?

— Ты помнишь пожар в усадьбе на Седьмой улице?

— Да. Вот. Как раз оттуда меня и вывели. В безопасное м-место.

Ожогов, надо сказать, на нем не видно.

— Кто вывел?

— Я их не знаю. Видел где-то раньше, кажется. Но не знаком.

— Сколько их было?

— Двое. Один потом ко мне приходил. Разговаривал.

— О чем? — настораживается Намма.

— Что он разбойный дух. А чего ему надо, я не понял.

Средний советник обращается к квасильному старшине:

— Кто притащил сюда господина?

— Так ты же.

— Я?!

— Ну, то есть люди господина советника.

— Они назвались моими людьми?

— Да мы их знаем. Господин Хокума и челядинец его.

Хозяину этой усадьбы Намма обещал в свое время присмотреть за сестрой его и людьми. Бывал тут прежде каждую свободную ночь, пока не переселил госпожу к себе домой. Присмотрел, называется... В последние месяцы не заходил ни разу. Но Хокума-то тут при чём?

— Младший советник Полотняного приказа Хокума бывает у вас?

— Я ж объясняю, господин: молельня у нас. Сведущие друзья собираются. И из простых, и господа разные. И младший советник тоже...

Таких не бывает

Намма, средний советник Полотняного приказа

Госпожа Намма, его нынешняя жена

Барышня Намма, его дочь

Молодой господин Асано, его зять

Усадьба с квасильщиками опечатана. «Сведущих друзей» принимать им не велено впредь до особого разрешения господина Наммы. Календарный наставник Юкихара, извещенный о находке, прибыл с носилками и

забрал своих служащих. Оборотень должен завтра явиться в Полотняный приказ за наградой, а господин Симэ — на допрос.

Сам средний советник поспешил по месту службы.

Хокума на задании, как и следовало ожидать. Затаился в засаде и следит за рвом. Так хорошо спрятался, что Намма его не нашёл. Распорядился: как только младший советник появится в Приказе, пусть немедленно идёт к начальнику домой.

Туда и возвращается сам Намма с челядинцами.

Супруга встречает его с видом умиротворённым. Будто не на её подворье невесть что творится:

— У нас всё спокойно. Молодой господин ещё поел. Сейчас сидят, разговаривают.

— Это хорошо, — средний советник проходит к жене в покои. — К молодым я позже загляну. Но скажи мне вот что: ты сама имеешь какое-то отношение к этим... «сведущим друзьям»?

— К кому?

— Ну, к которым твои шары бумажные отправлялись — для украшения алтаря, или молельни, или чего там?

— Чьего алтаря? Я шары своим людям отдавала — они их что, перепродали кому не следовало? — всполошилась госпожа.

— Лучше бы перепродали...

Очень мягко господин Намма излагает: неучтённая молельня, «сведущие друзья», похищение и удержание взаперти чиновника Календарного ведомства... Поначалу госпожа едва не падает в обморок. Но потом, подумав, начинает проворно собирать свои гребни и книжки.

— Ты это зачем? — недоумевают средний советник.

— Моя вина. Брат людей мне оставил, я за ними не досмотрела. Признаю и сожалею. Выходит, мне лучше туда вернуться.

— Не надо. Там всё равно опечатано. Дальше — поглядим; моего собственного недосмотра тут не

меньше.

И даже больше. Не только с квасильщиками, но и с младшим родичем. Оговаривать его людям из той усадьбы незачем. Но неужели Хокума себя чувствует настолько обиженным по службе — что сам устроил преступление, чтобы его потом самому же и раскрыть? Воспользовался пожаром, оставил гореть свой дом, уволок звездочёта и запер, а тайные бумаги бросил на виду у пожарных? Глупо же. Или он добивался от Симэ разоблачений всего Календарного ведомства? Или Ведомства Двора? Но даже если так: выходит, Хокума заранее вступил в общину «сведущих друзей», чтобы иметь укромное место для допросов? Или собирался и их тоже в чем-то изобличить? Или поместил узника у них, чтобы их обвинили в похищении? Потому и «разбойным духом» назвался. Но опять-таки глупо: они его в лицо знают, уже дали показания против него. И главное: всё равно получилось так, что дело раскрыл не он.

Только не хватало, чтобы это он Намму благодарил таким образом. Хотя... Блестящее дело вскоре после повышения, новый чин вне очереди — и отставка? И Хокума продвигается в начальство? Квасильщики говорят: к ним ходили и простолюдины, и «господа». Надо бы проверить, что за господа. Бесстрашный Намма обвиняет сразу нескольких чиновников, те с позором исчезают из дворца, хорошие должности освобождаются... Ясно, что после этого Намма уходит: или в отставку, или с повышением — в дальнюю глушь. А сколько новых назначенцев, знающих, что да как, остаются признательны Хокуме?

— У них там припасы-то есть? — спрашивает жена. Средний советник не сразу соображает: это она про опечатанных.

— Еды и выпивки хватит. Я уж не говорю о приправах...

Пока подчинённый не явился, господин следователь зайдёт к новобрачным.

— Батюшка, а как меня зовут? — с ходу спрашивает дочка.

Самой ей это и вправду помнить неоткуда. По счастью, гаданиями она не увлекается, а зачем ещё может понадобится имя девице?

— Садако. А что? — с опаской говорит Намма.

Она победно кивает своему супругу:

— Я же говорила!

— Мы поспорили, — объясняет молодой Асано. — Насчет того, в чём все люди одинаковы, а в чём разные.

Своевременный предмет для беседы двух влюблённых.

Впрочем, о любви тут речи до сих пор и не шло. Зайдёт ли?

Всяко может быть. Чего доброго, все в доме Намма уже договорились: у барышни брак понарошку. Насколько видит средний советник, дальше разговоров молодые пока не пошли. А что до Асано — так он, похоже, и не собирается.

Иные юноши влюбляются в кого ни попадя. Другие сердцем холодны, но убеждены: в постели надобно не сердце. Третьи — однолюбы. Жена уже спрашивала прошлой ночью у Наммы: а что, если молодой господин любит другую? А она умерла, или отказала, или ему родные запретили? И он с горя хотел уйти в монахи...

Едва ли так. Не холоден и не пылок этот зять, просто любовные дела ему не важны. Как Хокуме?

Да непонятно теперь уже, что думать о Хокуме...

Забавно выглядят рядом зять и дочка. Она — маленькая, кругленькая, непоседливая. Он — длинный и худой, был бы похож на деда, если представить Конопляного господина молодым, еще не ссохшимся. И рядом с девушкой, что вовсе невообразимо. Иное дело — когда старший Асано говорит о нашей богине, о Конопле. Вот где любовь... И что? Этаким же чувством можно проникнуться к монашьему Просветленному? К тому лаковому толстяку, что в молельне сидит?

Зато барышня Намма может не сетовать, что у нее

волосы коротковаты: на ладонь до полу не достают. При такой голове, как у нашего зятя, корить ее этим глупо.

— Рю мне рассказала. Только я не поняла: разве господин младший советник похож на изувера? И что он собирался делать с пленным?

— Надеюсь, — отвечает Намма, — произошла какая-то путаница. Я сам пока не понимаю. А на кого, по-твоему, похож этот наш родич?

Конечно, дочка Хокуму никогда не видела. Если только не подглядывала, когда тот приходил к нам в дом. Но по рассказам знает. Вдруг — сообразит что-то, чего Намма привык не замечать?

— Не знаю, — задумчиво тянет она. — Я никогда не слышала, чтоб ты его бранил. Ни разу не было: «Хокума бумагу важную потерял!», или «Хокума напился пьян!», или «У Хокумы, видите ли, дни удаления от скверны — опять на службу не явился!» Получается какой-то образцовый чиновник, как у братца в заморских историях. Безупречно несёт службу в неизвестности и ждет, пока Государь его вызовет и сделает первым советником. Но таких ведь на самом деле не бывает?

Молодой Асано за что-то отвешивает супруге благодарственный короткий поклон. За что бы? А потом обращается к тестю:

— Если человек вправду из «сведущих друзей», он, я думаю, не от Государя призыва ждёт. От грядущего Просветленного. И даже лучше делать в нынешней жизни что-то такое, чего тут заведомо не оценят: зато Мироку увидит и зачтёт. А иначе выйдет, что разбрасываешься — и на сегодня работаешь, и на будущий век.

— А похищение как этому Мироку понравится? В холодном сарае человека связанного держать, едва не уморить — это что за заслуга?

— Сообразно меркам нашего злого века, — рассуждает зять. — И ещё смотря по тому, скольких людей похититель тем самым избавил от худших мук. Тот-то, похищенный, сам не пытался ли кого уморить?

— Душегубства за звездочётом не числятся, — ворчит Намма. — Неоказание помощи погибающим — это да, вполне.

Барышня поворачивается к мужу:

— Погоди... А то, что средний советник этого неоказателя спас, — это, по храмовому счёту, батюшке идёт в заслугу или в вину?

— Храмовый счёт тут ни при чём, — неожиданно сердито говорит молодой Асано. — «Сведущих друзей» назвать «храмом» можно разве что так же, как «стражей» зовется разбойничья застава где-нибудь в горах. Но вообще-то спасти человека — это заслуга. Виной будет не укоротить этому господину руки: чтобы впредь поменьше людей от его заботы зависело.

Шаги

*Намма, средний советник Полотняного приказа
Урасака, его старший челядинец
Хокума, родич и подчиненный Наммы
Слуга Хокумы*

Сыщик Намма ждёт.

В средней части дома освободили место для приёма гостя. Следовательно сядет у опорного столба, гость — лицом к нему. Поставили жаровню: как раз между ними она окажется. Приготовили брагу и угощение, но их вынесут, когда хозяин велит. Женщины сидят по своим углам, переборки выдвинуты.

Гость не идёт.

Отбыл на север, к себе в имение? Знает же: его будут искать, и прежде всего там.

Отправился напрямую объяснить с главою дома Конопли? Или с начальником Полотняного приказа?

Шаги по двору. Нет, не Хокума: Таро вернулся из города.

Или младшего советника просто оговорили. А он на

службу не заходил и до сих пор ничего не знает. Сидит в засаде. Или дождался там кого-то, кто пришёл за мешком, и движется теперь по его следу.

Шаги в доме. Нет: сын из Училища. Хорошо хоть, без товарищей на этот раз. Приветствует отца, как положено почтительному сыну. Иди к себе, не показывайся гостям сегодня, не надо.

Или «сведущих друзей» кто-то наконец-таки осведомил: Хокума не собрат ваш по общине, а соглядатай. И от него нужно избавиться. И уже избавились.

— Идут, — докладывает Урасака.

— Будь у входа. На всякий случай.

Младший советник тоже вдвоём со слугой. Его человек пристраивается у дверей напротив Урасаки. Хокума садится перед жаровней.

Родич.

— Сегодня на складе в усадьбе на Восьмой улице мною обнаружен звездочёт Симэ. — Намма говорит спокойно, но как-то слишком медленно. Как старший. Как старик. — Тамошние квасильщики свидетельствуют, что доставил его туда ты. Они врут?

— Врать — грех, — столь же спокойно отвечает Хокума. Разве что чуть выше, чем положено, поднимает глаза. Почти в лицо Намме смотрит, но ещё не совсем. — Они говорят правду.

— Зачем?

Хокума долго думает. Не увिलивает, наоборот: подбирает самые точные слова.

— Ты сыщик. Я только подручный. Или даже бывший подручный. Тебе решать, зачем.

Посмотрите на него: сдался в руки правосудия!

Намма комкает подкладку рукава. Ничего, снаружи не видно.

— Давай посмотреть. У тебя с этим Симэ личные счёты? Он твой враг?

Младший советник качает головой почти укоризненно:

— Нет, ничего личного.

— Тогда — служебное? Ты все эти дни расследовал сам какие-то безобразия в Календарном ведомстве и захватил свидетеля, запугал его и заставил говорить? Ну, или наоборот, создал ему условия, где бы он меньше боялся...

— Безобразия не только в этом ведомстве.

— Да, их просчёты сказываются на всех: все ведь время меряем по их вычислениям. — Намма заговорил чуть быстрее. Кажется, понял. — Но обвинить календарщиков очень непросто, их работу принимает сам Властитель Земель, против них надо иметь самые веские доказательства. Их-то ты и собирал?

Хокума печально откликается:

— Это вовсе не сложно. Ты разве не заметил: Календарное ведомство не скрывает того, что творит. И никто не скрывает. Всё напоказ и никому нет дела. Осень у нас со снегом, а весна без половодья, потому что половодье зимой, — это дело календарщиков. Остальных не смущает. Чиновника за выкуп похитили — это дело Полотняного приказа...

— Погоди. Записку себе на стол ты сам подложил?

— Да, конечно.

— А это зачем?

— Не было бы записки — и Приказу бы не было дела. Тайные бумаги нашлись, а жив или нет младший звездочёт — заботило бы только его семью. Да и ту не очень.

— То есть не о выкупе речь шла, а о том, чтобы мы продолжали поиски.

— Да. И ведь ты его нашёл. Даже ещё живым.

— Хочешь сказать, ты бы там его выдерживал, пока я не решу загадку, а помер бы он раньше — так бы тому и быть? — Намма наклоняется вперед. Хокума не отстраняется.

— Именно: «так тому и быть». Ты понимаешь.

— Нет. — Средний советник опускает глаза. — Не понимаю.

— Что должно случиться — случится. Если похищение за выкуп — лучше такого человека, который никому не нужен. Если пожар — то в одном квартале, а не на полстолицы.

Средний советник ударяет ладонью по колену:

— В таком квартале, где на постое полно здоровых парней, чтобы потушить, что можно, до прибытия пожарных? Где разве что сгорит малоценная усадьба младшего Полотняного советника... Ты сам и поджог?

— Конечно.

Больше всего Хокума, кажется, хотел, чтобы его поняли. И отчасти это получил теперь. Вот и рад. Ну, да: захотелось побыть подследственным у любимого сыщика. А был бы Намма охотником — как тогда? Зверем пришлось бы перекинуться?

— А нянька и тот, застрявший в полу? Они не в счёт?

Резко, слишком резко. Так не пойдёт. За переборкой что-то скрипит и сыплется. Не важно, это потом.

— Если бы никто не сгорел, — отвечает Хокума, — и пожар был бы не в счёт. Бедствия бы не было.

Всё-таки сходится. Полностью сходится с тем, что рассказывал зять.

— Мусорщиков следовало всполошить, чтобы начался мор? А ураган или какая там следующая беда по вашей книжке — этого вы как собирались добиться?

— Божьих людей Морового святилища взбудоражил ты. Пойми: тут не может быть непричастных. Найдется кто-то и на ураган.

Нет, хорошо, что родич не сбежал на север. Мятежи на границах, говорите? Впрочем, как раз в порубежные края ускакали на казённых конях плясуны Военной палаты...

— Я понимаю, родич: ты веришь в эти пророчества. — Всё труднее не кричать, ещё немного, и средний советник не удержится. — Но неужели без тебя бы не обошлись? Раз уж предречено.

— Обошлись бы. Но дольше и больше. Предсказанное свершается. Одно за другим. Похищен Симэ, а значит, уже не украдут кого-то другого. Сгорели две с половиной усадьбы, жечь Столицу уже не надо. Если бы это всё вершили те, кто не понимает, что делает, обошлось бы дороже.

— То есть и разрушением должен заниматься знаток своего дела?

— Да, родич. В будущем веке неумех не будет вообще. Каждый станет делать только то, в чём он мастер.

За другой переборкой тоже хруст. Нет, лучше было бы домашних отослать подальше. Отвлекают.

— И что нам с тобой теперь делать? — глухо спрашивает средний советник.

— Я здесь, — откликается подчинённый. — Решай ты.

— Я тоже недосмотрел. Я должен был раньше увидеть, что происходит с тобой. Что делают челядинцы моей жены.

— Теперь ты видишь, что творится в мире?

— Да. Злоупотребления добрались до самого Полотняного приказа. И как я доложу: мой младший родич и лучший подручный связался с изуверами? Взятся выявить преступную шайку: она болтала да стращала, а ты на деле исполнил?

— Так и доложишь. Гонения на общину Просветлённого тоже предсказаны... Молельню закроют, сведущих друзей разгонят. Даже выбор есть, кто это сделает: столичная стража или Палата Обряда.

— Самоуправство Государева сыщика там не предсказано случайно?! — Всё-таки сорвался на крик. — Ясно же, что вас... И тебя, и этих «друзей» твоих... Дому Конопля суд не нужен. Не доживёте вы до суда.

— По-родственному, — говорит младший советник.

— То есть и это я тоже исполню по вашим проклятым прописям. Жестокость к родне...

— Не умеешь ты, родич, рвать родственные связи.

— Хокума медленно поднимается на ноги. — Вот так это делается.

И переворачивает жаровню. Не на Намму — в сторону, на бумажную переборку.

Погорели

Намма, средний советник Полотняного приказа

Госпожа Намма, его нынешняя жена

Молодой господин Намма, сын советника

Барышня Намма, дочь советника

Молодой господин Асано, муж барышни

Урасака, старший челядинец Наммы

Таро, его сын

Рю, воспитанница барышни

Хокума, родич и подчинённый Наммы

Слуга Хокумы

Очень неудобно подслушивать, когда тебя саму услышать нипочём не должны. И ещё неудобнее делать это на глазах малознакомого супруга. Впрочем, он и сам уши наострил. В конце концов, это ж с ним батюшка советовался по поводу «сведущих друзей», а теперь всё сходится. Только как-то это всё равно не слишком радует.

Я ведь когда-то видела этого господина Хокуму; сейчас пытаюсь вспомнить, какой он, и сопоставить с голосом. Не очень получается.

Батюшка уже совсем расстроился — разозлился тоже, но в основном огорчен. И правда, глупое положение. Он редко так, сквозь зубы говорит, как сейчас:

— Жестокость к родне...

— Не умеешь ты, родич... — Там у них что-то шуршит, а потом стукнуло и зашипело. — Вот так это делается!

И все сразу заорали. Во всех комнатах — и где батюшка с гостем, и у новой госпожи справа, и у братца слева. И я тоже, конечно — потому что эта створка заклинила и не отодвигается!

Молодой Асано ее рванул, сдернул, мы оба чуть не ввалились в средний покой. Там дым, по всему полу угля катаются и уже стенка тлеет. Среди дыма стоит батюшка, как-то странно вскинув руку, и дёргается. К двери, вполоборота к нам, пробирается кто-то в синем служебном платье — наверное, господин Хокума; хромает. Выйти из дверей всё равно не выйдешь, потому что там в проходе свалка: Урасака и еще кто-то, с оружием, кажется. Зачем-то рубят притолоку.

Батюшка кричит:

— Не стрелять!

Это потому что левая переборка прорвана, в дыру видно братца с его луком, и он тетиву натягивает. Один ли он там — не разобрать. А с другой стороны батюшкина жена поспешает с покрывалом и ковшом почему-то. А я стою, как дура, и не понимаю, что делать.

Наша створка тоже загорится вот-вот, упала на угли. Зато пройти можно. Этот в синем у дверей замешкался было. Но там, кажется, уже не дерутся — там только Урасака остался, сползает на порог.

Супруг бросается вперед. Ясно: держать синего, пока не убежал. Да куда же ты под стрелу суёшься?!

Нет, эта стрела ушла куда-то под балку. И через порог Хокума не успел перескочить, Урасака его хватает за полу снизу, а во дворе Рю орёт по-южному. И собаки лают.

Теперь надо быстро, пока братец перезаряжается. Сдергиваю верхнее платье и кидаю вперед. Синему на голову и на руки. А то он же Урасаку добьёт! И туда же к порогу прыгает мой муж, только я успела первая. Молодой господин Асано и гость наш сцепились, выкатываются во двор.

Братец наконец-то бросил лук. Госпожа плеснула

из ковша на самую большую кучу углей, оттуда дым теперь валит ещё гуще. А что раскатилось, на то накинула покрывало и затаптывает. И только батюшка так с места и не сдвинулся. У него к столбу рукав стрелой прибило. Через все слои платьев, не оторвёшь — и руку не вытащишь. Но крови вроде не видать.

Во дворе лай и вопли ещё громче. Урасака пробует сесть. Вот он-то весь в крови. Батюшка ему кричит:

— Не лезь во двор!

Я его тоже подержу, а сама выгляну наружу.

Во дворе толком ничего не видно. Вроде бы собаки обе у ворот, уже не брешут, а грызут. И Таро с колом: то ли их разгоняет, то ли им помогает. А синий-то где? Убежал?

Нет, вот. У меня прямо под носом, на земле внизу лестницы. Наполовину замотан в мое платье, и там, где голова, по ткани расплывается пятно. Супруг навалился на него сверху, держит руки. Но тот, кажется, уже и не вырывается.

— В доме, — муж поворачивает голову ко мне, — верёвка есть? Хоть одна?

Ещё бы не было верёвки в доме Намма! Рю уже тащит.

Молодой господин Асано, не выпуская лежащего, неловко сдвигается:

— Крути, только осторожно. Меня не задень. На мне скверна.

В доме батюшка всё-таки выдернул стрелу. Помогает Урасаке перетянуть рану. Кивком посылает брата пособить Рю.

— И к лекарю потом, срочно.

Огня уже нет, только дым. И две переборки новые ставить придется. И циновки менять. Хорошо, что у нас не лощёные полы!

Но молодец батюшкина жена! Пока мы все преступника ловили, она одна весь дом потушила! Даже повести уцелели.

Скоро утро. Дождь пошёл. На рассвете придут люди от Конопляного господина, заберут наших пленных. Один, который слуга, сам идти точно не сможет, Таро его едва не насмерть колом забил. Господин Хокума на ногах держится, но мы батюшку не пустили его в дом Асано сопровождать. Тот больше ничего не говорит: муж мой ему головой под подбородок двинул, что-то с языком. Или с челюстью, я не смотрела.

У батюшки рука стрелой поцарапана, кровь шла, но теперь уже ничего страшного. Только братец сокрушается. Во-первых — едва отца не застрелил! Во-вторых, лук отобрали. Выдавать будут, когда на стрельбище пойдёт.

А вот с Урасакой скверно. Лекаря среди ночи привели, он так до сих пор и сидит при раненом. Говорит, ножом лёгкое задето. Непонятно, что будет.

Батюшка ни с кем не разговаривает и от советов отмахивается. Да я и не знаю, что тут посоветовать. Ему же сегодня днем всё объяснять главе дома.

Мужу требуется большое очищение. Пролил кровь, ему ни по жреческим правилам этого нельзя, ни по монашескому Закону. В дом не заходит, топчется во дворе. Я ему кинула зонтик. Приблизиться нельзя, он сказал. И ещё говорит: ему за такое дело особый и сугубый позор. Его ведь нарочно учили — хватать и держать, если кто при обряде в буйство впадёт. Сработал бы он так, как нынче, у себя на службе — опоганил бы всю Обрядовую палату... Я ему сказала: при первом задержании всегда что-нибудь не так идёт. Но он, кажется, не утешился.

Хорошо, что я к знаменьям не особенно внимательна. А то — ничего себе начало для семейной жизни!

Веер

Намма, средний советник Полотняного приказа

Господин Асано, глава Обрядовой палаты, старший в доме Конопля

Дождь до полудня так и не перестал. Мокрый сад дома Асано выглядит почти по-весеннему, хотя до Нового года ещё больше месяца.

На этот раз Конопляный господин одет в должностное, в белое. Прибыл из Палаты, когда узнал о семейных неприятностях.

Средний советник Намма только что дал ему полный отчёт. Прежде, чем главе своего Приказа: по родству глава дома старше. Смиренно попросил об отставке и ждёт теперь, что скажет старик. Головы не поднимает, перевязанную руку прячет в рукаве. Вообще-то с этой царапиной он не должен был приближаться к жрецу, но тот сам затребовал.

— Ну, хорошо, — говорит Конопляный господин. — А дети как?

Знает он уже, как. Внук господина Асано готовится к очищению: когда Намма отбыл сюда, из святилища ещё не приходили. Но старик, видно, спрашивает о другом.

— Обсуждают свои просчёты в ходе следствия.

Просчёты — на последнем шаге. В розысках-то молодые толком и не были заняты. Утром догадались, да слишком поздно: Намма хотел отпустить своего младшего советника живым. Хотя Хокума — изувер, поджигатель и убийца. Хотя слуга его тяжело ранил Урасаку. Хотя и непонятно, куда бы Хокума подался. Всё равно — Намма бы дал ему уйти. Дети помешали.

— Достойное занятие, — кивает господин Асано. — Хорошо, когда новобрачным есть о чем поговорить. И когда они разбирают собственные ошибки, а не дела старших.

Намма почтительно дожидается, когда глава дома перейдёт к этим самым делам. Старик нарочито медлит. Расправляет белые рукава. Перебирает веер: одну перепонку за другой разворачивает, складывает, разглаживает. И наконец молвит:

— Об отставке забудь, конечно. Я не могу так подвести своего сына, твоего начальника в Приказе. И без того — Хокума, такая потеря... Его в Столице оставлять никак нельзя. Поедет в имение, а на дорогах сейчас неспокойно... Жаль.

Не поспоришь.

— Как сложно с этой молодёжью, — вздыхает Конопляный господин. — У тебя в Приказе, у нас в Палате... Подумай, присмотришь: если ты найдёшь, что твой зять на что-нибудь годен по части сыска, я возражать не буду.

Внука он, стало быть, из Палаты Обрядов уже уволил. И называть его предпочитает родичем Наммы, а не своим.

— Раз бумаги найдены и возвращены, с ними пусть Ведомство Календарей разбирается без нас. Всё равно переделать календарь они уже не успеют. — Старик разводит ладонями. — Сдадут, какой есть. Не думаю, что Властителя Земель следует беспокоить этим происшествием.

И смежными — тем более. Глава дома доволен, что дело с Хокумой решилось семейным порядком. Государю незачем знать, как младшая родня его матери ругается и дерётся во внеслужебное время.

А когда Конопляный господин чем-то доволен, он милостив:

— Что до людей твоей жены... Беззаконные молельни, разумеется, недопустимы. Так отчего бы и не узаконить? За городом, недалеко. Там и для хозяйства простора больше... Поставят своё изваяние, развешат эти цветы... Рюкэин, Молельня Драконовых цветов. Чем плохо?

Тут Намма отвечает, хотя вопрос ответа и не требовал:

— Плохо, господин мой, что в Столице и в державе невесть что делается. В каждом ведомстве свои «последние времена»... Боюсь я, вот-вот всё вразнос пойдёт. Тяжко это.

— Легко не бывает, — откликается старик сразу, словно ждал этих слов, — но ты не бойся. В мои молодые годы тоже говорили: последний век. И четыре столетия назад, когда к нам этот монашеский Закон впервые пришёл, тоже жаловались: конец времён! И тысяча лет пройдёт, и люди то же будут повторять. И вспоминать наш век покоя и процветания...

Намма хотел было ответить, глава дома его остановил — одним мановением веера. Продолжает:

— Вот, смотри. Планки легко сломать, но ткань останется. Рушится то, что хрупко. Что у нас в Облачной стране самое тонкое, самое хрупкое, самое главное? Державный обряд. Если бы я, сосед мой Полынник, Обезьянец и остальные жрецы не сумели служить Властителю Земель, как всегда служили... Но ведь мы служим. И это — очевиднее всех монашеских знамений. Ошибёмся мы — уже некому станет кричать про последние времена...

Разворачивает веер:

— И ткань цела. Разве старшие родичи не заботятся о младших? Разве младшие не стараются для старших? Разве равные сцепились между собой? И боги родовые ухожены. И помогают нам. — Складывает планки, забирает веер в ладонь. — Пока есть обряд и есть род, держава никуда не денется.

И правда. Куда ж тут деться...